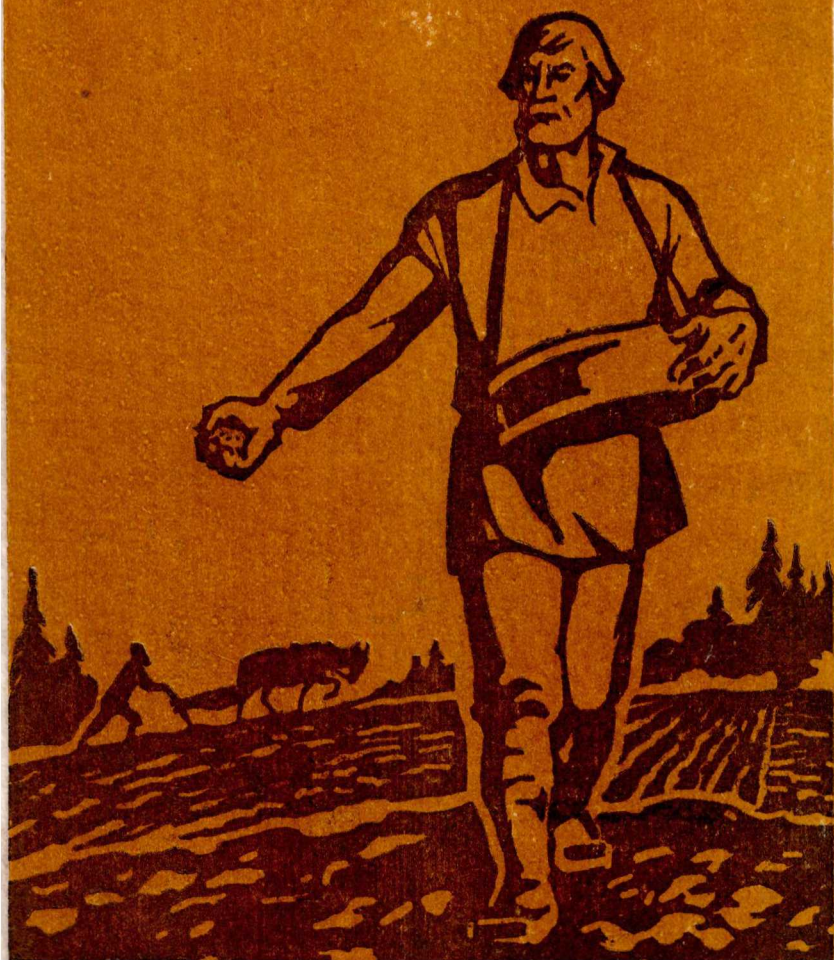

Н. А. НЕКРАСОВ
СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...

Н. А. Некрасов

Глиг, Непрагол

1821—1878

Н.А. НЕКРАСОВ

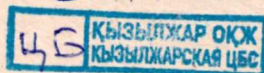
84 P1
H48

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

29

Москва
«Просвещение»
1986

C 47317

Тексты печатаются по изданию:

Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем.
В 15-ти т. Л., «Наука», 1981—1985, т. 1—10.
Художественные произведения

Составитель, автор послесловия и комментариев
Ю. В. ЛЕБЕДЕВ

Некрасов Н. А.

Н48 Стихотворения, Поэмы / Сост., автор послесл. и коммент.
Ю. В. Лебедев.— М.: Просвещение, 1986.— 207 с.: ил.

В книге представлены известные произведения Н. А. Некрасова, дающие яркое представление о многогранности его поэтического творчества.

Работа снабжена послесловием, приложением, комментариями.

И $\frac{4800000000-604}{103(03)-86}$ инф. письмо — 86

ББК 84Р1-5

© Составление, послесловие, приложение, комментарии,
оформление. Издательство «Просвещение», 1986

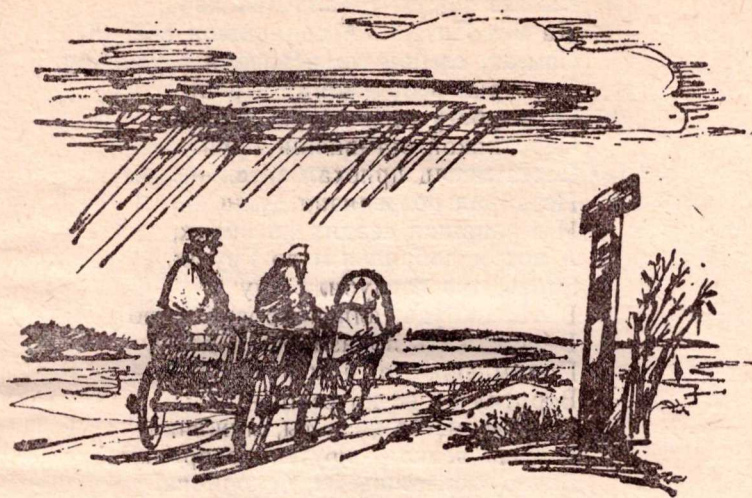
Александр Трифонович Твардовский рассказывал, как в голодные 20-е годы его отец привез с базара в Смоленске томик стихов Николая Алексеевича Некрасова, выменяв его на картошку. «Эту книгу,— вспоминал поэт,— полагалось читать только за столом, и то лишь после того, как стол убран и насухо вытерт. Там мы ее обычно и читали — отец или я — в долгие зимние вечера, чаще всего вслух, так что все в семье вскоре узнали и полюбили «Орину, мать солдатскую», «Коробейников» (из них нам была известна только песня про «коробушку»), «Сашу», «Деревенские новости», «Железную дорогу», «Крестьянских детей» и многие другие вещи из этой книги. До нее я знал из Некрасова только «Несжатую полосу» да отрывок из поэмы «Мороз, Красный нос» — «Не ветер бушует над бором...». Теперь я, как мне казалось, знал всего Некрасова, мог на память прочесть большие отрывки из «Дедушки», «Княгини Волконской» и много отдельных стихотворений».

Но как и у Твардовского, перед тобой, читатель, далеко не полное собрание сочинений Н. А. Некрасова. Позднее ты узнаешь о большой его поэме «Кому на Руси жить хорошо», прочтешь поэму «Современники», познакомишься с некрасовской прозой, с его статьями и письмами. Здесь же, в этой книге, мы старались, не повторяя произведений, включенных в учебники-хрестоматии по литературе, познакомить тебя с наиболее интересными и доступными стихами поэта и значительными отрывками из его поэм. Попробуй прочесть их все, вдумчиво и внимательно. Вероятно, многое в них при первом чтении покажется тебе не очень понятным. Тогда обратись к послесловию, к разъяснениям, которые мы приводим в конце книги, к приложению. А потом перечитай стихи Некрасова еще раз, постарайся понравившиеся строки выучить наизусть — и в один прекрасный день ты вдруг поймешь, что и для тебя эта книга стала заветной и самой дорогой.

Предваряя твои впечатления о прочитанном, скажем лишь о самом существенном. Поэзия Некрасова пронизана народным взглядом на жизнь, свободолобивым духом народа. Поэт испытывает глубокое сострадание несчастьям народа, он выступает в своих стихах народным заступником, верит в могучие его силы.

Поэзия Некрасова учит нас чувствовать духовную красоту и щедрость русского характера, главной особенностью которого была, есть и будет обостренная чуткость к другому человеку, умение понять его, как самого себя, счастье радоваться его счастьем или страдать его страданием. В редкой поэтической отзывчивости на чужую радость и чужую боль Некрасов и по сию пору — исключительный и неповторимый поэт.

Ю. В. Лебедев

В ДОРОГЕ

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, Расскажи —
Буду, братец, за все благодарен».

— Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафаницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородной
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка), —
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрubiла ему
В чем-нибудь, али на просто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно,—
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровой...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды!—
Не утешишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет как шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет всё глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барченка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,

В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..»

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породой:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе всё свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал — я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара,
Он удался; хороший повар — счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекасть,
Отчески посек его, каналью;
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был, как чаша;

Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

НА УЛИЦЕ

ВОР

Спеша на званный пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрыгнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сертуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моления и испуга...
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И богу поспешил молебствие принести
За то, что у меня наследственное есть...

ПРОВОДЫ

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И всё просит остаться Ванюху,

А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный —
И ударится в пятки душа!

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь — непроворная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол... уныло смотрю
И сижу неподвижен, как статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня, горемычного,
Дураком ты на свет создала?
Ни умишка, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала?..»

Ах, судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умен и пригож становлюсь?

Всё припомню, что было ей сказано,
Вижу: сам не сказал бы глупей...
Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!
Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умен и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце искру надежды беречь!
Не страхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносимых плеч!

Придавила меня бедность грозная,
Запугал меня в детстве отец,
Бесталанная долюшка слезная
Извела, доконала вконец!

Знаю я: сожаленье постыдное,
Что как червь копошится в груди,
Да сознание бессилья обидное
Мне осталось одно впереди...

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(Перевод с французского: *Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet Etat. Par un Russe, comte de Garansky, 8 vol. in 4°. Paris, 1836¹.*)

Я путешествовал недурно: русский край
Оригинальности имеет отпечаток;
Не то чтоб в деревнях трактиры были — рай,
Не то чтоб в городах писцы не брали взятки —
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встретите нигде вы:
Пространства широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам,
Зеленые леса и серые селенья
Пестрят равнину их, и любо видеть вам
Картину сельского обычного движенья...
Подобно муравью, трудолюбив мужик:
Ни грубости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь: я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
Все терпят общую, по их словам, «страду»,
И грустно видеть, как иные бледны, слабы!
Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель — в немецких сертуках

¹ Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, сопровождаемые рассуждением о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского государства. Сочинение россиянина, графа де Гаранского. Восемь томов в четвертую долю листа. Париж, 1836 (франц.).

Особенных фигур, бродящих между ними?
Нагайки у иных заметил я в руках...
Как быть! не вразумишь их средствами другими,
Натуры грубые!..

Какие реки здесь!
Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем сойдет, я вам ручаюсь, спесь
С природы рейнской, но только не с французской!
Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней как говорят в стихах, всё клонит выю,
Но всё ж по совести и громко признаю,
Что я не ожидал найти такой Россию!
Природа недурна: в том отдаю ей честь,—
Я славно ел и спал, подъячим не дал штрафа...
Да, средство странствовать и по России есть —
С французской кухнею и с русским титулом графа!..

Но только худо то, что каждый здесь мужик
Дворянский гонор мой, спокойствие и совесть
Безбожно возмущал; одну и ту же повесть
Бормочет каждому негодный их язык:
Помещик — лиходей! а если управитель,
То, верно,— живодер, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «Чей, братец, виден дом?»
— Помещика... — «Что, добр?» — Нешто хороший барин,
Да только... — «Что, мой друг?» — С тяжелым кулаком,
Как хватит — год хворай. — «Неужто? вот татарин!»

.....
Ну, словом, всё одно: тот с дворней выезжал
Разбойничать, тот затравил мальчишку,—
Таких рассказов здесь так много я слышал,
Что скучно, наконец, записывать их в книжку.
Ужель помещики в России таковы?
Я к многим заезжал; иные, точно, грубы —
Муж ты своей жене, жена супругу вы,
Сивуха, грязь и вонь, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяин с Францией и с Англией знаком,
Хозяйка не заснет без модного романа;
Ну, всё как водится у развитых людей,
Которые глядят прилично на предметы
И вряд ли мужиков трактуют как свиней...

Я также наблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далек!
По собственным моим владеньям проезжая,

Созвал я мужиков: составили кружок
И гаркнули: «Ура!..» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли?.. Кричат: «Довольны всем!»
— И управляющим? — «Довольны...» О работах
Я с ними говорил, поил их — и затем,
Бекаса подстрелив в наследственных болотах,
Поехал далее... Я мало с ними был,
Но видел, что мужик свободно ел и пил,
Плясал и песни пел; а немец-управитель
Казался между них отец и покровитель...
Чего же им еще?.. А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
Пятнают родину и русское дворянство,—
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич?..
Я книги русские перебирал всё лето:
Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшие темны, как стертая монета!
Жаль, дремлет русский ум. А то чего б верней?
Правительство казнит открытого злодея,
Сатира действует и шире и смелей,
Как пуля находить виновного умея.
Сатире уж не раз обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россия)
Услугой важною

В ДЕРЕВНЕ

1

Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня... ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны...
Кажется, с целого света вороны
По вечерам прилетают сюда.
Вот и еще, и еще эскадры...
Рядышком сели на купол, на крест,
На колокольне, на ближней избушке,—
Вон у плетня покачнувшийся шест:
Две уместились на самой верхушке,
Крыльями машут... Всё то же опять,
Что и вчера... посидят, и в дорогу!
Полно лениться! ворон наблюдать!
Черные тучи ушли, слава богу,
Ветер смирился: пройдуся до полей.
С самого утра унылый, дождливый,
Выдался нынче денек несчастливый:

Даром в болоте промок до костей,
Вздумал работать, да труд не дается,
Глядь, уж и вечер — вороны летят...
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорят...

2

«Здравствуй, родная». — Как можется, кумушка?
Всё еще плачешь никак?
Ходит, зная, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак? —
«Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит...
Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой был не удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплошал!
Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная, —
Вот уж тринадцатый день!

Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна, —
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая, —
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Надо ль? топор продаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?

Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка,—
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!
Лягу в каморку, покроюсь тенётами,
Словно как саваном... Нет!
Смерть не приходит... Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех...
Умер, Касьяновна, умер, родимая,—
Эх! кабы только не грех...

Ну, да и так... дай бог зиму промаяться,—
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается,
Некому поле вспахать.
В город собирается Марья Романовна,
По миру сил нет ходить...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
И не велел долго жить!»

3

Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь?..
Слабо мое изнуренное тело,
Время ко сну. Недолга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свету надо покрепче уснуть...
Вот и вороны готовы к отлету,
Кончился раут... Ну, трогайся в путь!
Вот поднялись и закаркали разом.
«Слушай, равняйся!» — Вся стая летит:
Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

14 ИЮНЯ 1854 ГОДА

Великих зрелищ, мировых судеб
Поставлены мы зрителями ныне:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идут против России;
Пожар войны полмира обхватил,
И заревом зловещим осветились
Деяния держав миролюбивых...
Обращены в позорище вражды

Моря и суша... Медленно и глухо
К нам двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконец приблизились — стоят
Пред укрепленной русскою твердыней...
И ныне в урне роковой лежат
Два жребия... и наступает время,
Когда решитель мира и войны
Исторгнет их всеильною рукой
И свету потрясенному покажет.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В одном из переулков дальних
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушен недугом.
Я был его ближайшим другом
И братом по судьбе. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, равно к обоим строгой.
Он честно истине служил,
Он духом был смелей и чище,
Зато и раньше проложил
Себе дорогу на кладбище...
А ныне очередь моя...
Его я пережил не много;
Я сделал мало, волей бога
Погибла даром жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многих был я сам виной;
Теперь, в последние минуты,
Хочу я долг исполнить мой,
Хочу сказать о бедном друге
Всё, что я видел, что я знал
И что в мучительном недуге
Он честным людям завещал...

Родился он почти плебеем
(Что мы бесславьем разумеем,
Что он иначе понимал).
Его отец был лекарь жалкой,

Он только пить любил да палкой
К ученью сына поощрял.
Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел!..

С кончиной лекаря, на свете
Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В Московском университете;
Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рожденье прав,
Не удостоенный патентом, —
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один ученый человек
Колол его неоднократно
Таким прозвищем печатно,
Но, впрочем, бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре
Писать в журналах. Помню я:
Писал он много... Мыслью новой,
Стремленьем к истине суровой
Горячий труд его дышал, —
Его заметили... В ту пору
Пришла охота прожектору,
Который барышей желал,
Обширный основать журнал...
Вникая в дело неглубоко,
Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займет,
Писал разборчиво — и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на Север перебрался...

Тогда всё глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...
В боренье пошлых мелочей
Она, погрязнув, поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели.
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
* Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами;
К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок еще несмелый, тесный...
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличенье зла...

И он пришел, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лести,
В забвенье истины и чести,
Отчизна бедная зашла!
Он расточал ей укоризны
За рабство — вековой недуг,—
И прокричал врагом отчизны
Его — отчизны ложный друг.
Над ним уж тучи собирались,
Враги шумели, ополчались.
Но дикий вопль клеветника
Не помешал ему пока...
В нем силы пуще разгорались,
И между тем как перед ним

Его соратники редели,
Смирялись, пятились, немели,
Он шел один неколебим!..

О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных
И неподкупно верных ей,
Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы,—
Не все ль они признать готовы
Его учителем своим?..

Судьбой и случаем храним
Трудился долго он — и много
(Конечно, не без воли бога)
Сказать полезного успел
И может быть бы уцелел...
Но поднялась тогда тревога
В Париже буйном — и у нас
По-своему отозвалась...
Скрутили бедную цензуру —
Послушав, наконец, клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет.
По счастью, в нем сидели люди
Честней, чем был из них один,
Фанатик ярый Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
«Закройте университеты,
И будет зло пресечено!..»
(О муж бессмертный! не воспеты
Еще никем твои слова,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей...)

Почти полгода нас судили,
Читали, справки наводили —
И не остался прав никто...
Как быть! спасибо и за то,
Что не был суд бесчеловечен...

Настала грустная пора,
И честный сеятель добра
Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тут услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер... Помянуть печатно
Его не смели... Так о нем
Слабеет память с каждым днем
И скоро сгибнет невозвратно!..»

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь... Не велико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?...»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

МАША

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда.
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен был он с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет,—
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Все бы вздор... только с Машей не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит,
Отчего он так скоро сгорел?

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

У него прекрасные манеры,
Он не глуп, не беден и хорош,

Что гадать? ты влюблена без меры
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди...

Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потеряв сознание позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если так — плоха порука счастьем!
Как бы чудно ты ни расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Всё отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей!

СЕКРЕТ

(Опыт современной баллады)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен,
Как будто векам напоказ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

Картофель да кочни капусты
Растут перед ним на грядках;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель и бронза — в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;
Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре ночлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
И детям своим говорит:

2

«Огни зажигались вечерние,
Был ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую
И счастье вокруг себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
Пожертвовав тысячу в год:
Имею и Анну с короною,
И звание «друга сирот».

Но дни наступили унылые,
Смерть близко — спасения нет!
И время вам, детушки милые,
Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
Дрова к постояльцам таскал;
Подбился я к дочери шорника
И с нею отца обокрал;

Потом и её, бестолковую,
За нужное счел обокрасть

И в практику бросился новую —
Запрегся в питейную часть.
Потом...»

3

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца;
Старик еще дышит на ладан
И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку проник!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах —
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,
И словом и делом могуч —
Смирились бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!

* * *

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не лыщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди — не будет!
«Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка
И велит дать лесу», — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне. — Скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором...

Умерла Ненила; на чужой земле
 У соседа-плута — урожай сторицей;
 Прежние парнишки ходят бородаты;
 Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
 И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
 Барина всё нету... барин всё не едет!

Наконец однажды среди дороги
 Шестернею цугом показались дроги;
 На дорогах высоких гроб стоит дубовый,
 А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
 Старого отпели, новый слезы вытер,
 Сел в свою карету — и уехал в Питер.

САША

1

Словно как мать над сыновней могилой,
 Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоем —
 Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
 Невесела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
 Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
 Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
 Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
 Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
 Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
 Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгнуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои не нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую Музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что я ей объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливей смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радущье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка не многим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Всё ли застану, по-прежнему в нем?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружившее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Это головку не думали вы.

Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитяtko ваше, —

Бегаёт живо, горит, как алмаз,
Чёрный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Чёрные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?..
Всё так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно,—
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятья: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Поле идешь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

• Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей,—

Думает Саша,— безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликование

Саше порукой, что милостив бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
Землю пользуют они потом и кровью...

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любю, кормилица-нива!
Видеть, как ты колосишься красиво,

Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «Поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно, весь день тому весело будет!

Саша проснется — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагруженной снопами телегой
Чинно идет жеребеночек пегой,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,

Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло — начинается день...

Саша собирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей

В пестром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздалось «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!

Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» — Так что ж? —

«Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу — серп удалой,
Девице взрослой — жених молодой!»

— Вот еще выдумал, старый проказник! —
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!» —

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...

Саше случалось звать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В темную нору забились лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменье тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна,—

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклинаят.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птиц завелись,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосою янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петть будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится,— но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть?..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

3

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
«Был,— говорит,— я теперь за границей,

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов —

Всё там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной всё кружился орел,

Словно пророчил великую долю».
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей —

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

«Но,— говорит,— не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!»

И в подтверждение надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

«Бил,— говорит,— я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора!»
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкою плачет.
Видели: письма всё пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно орбел. Мудреного нет:

В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

Всё, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто назло:

«Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол».
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам шутя:
«Тешится новой игрушкой дитя!»

Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «Нездорова».

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится богу...
Он говорит: «Я собрался в дорогу», —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама неспокойна;
То говорит: «Я его недостойна» —

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку цалует!..

Что тут такое? Родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

«Нет, я души не растрочу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир,— говорит,— осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять нелегко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только наверное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,

А остальное всё сделает время.
Сеет он всё-таки доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы, — то бугор, то овраг.

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее — в три четверти груди,—

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега,—

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитяtko ваше,
Тем встрепетнется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

Внимая ужасам войны,
 При каждой новой жертве боя
 Мне жаль не друга, не жены,
 Мне жаль не самого героя...
 Увы! утешится жена,
 И друга лучший друг забудет;
 Но где-то есть душа одна —
 Она до гроба помнить будет!
 Средь лицемерных наших дел
 И всякой пошлости и прозы
 Одни я в мире подсмотрел
 Святые, искренние слезы —
 То слезы бедных матерей!
 Им не забыть своих детей,
 Погибших на кровавой ниве,
 Как не поднять плакучей иве
 Своих поникнувших ветвей...

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
 Небо, ельник и песок —
 Невеселая дорога...
 Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
 И едва прикрыта грудь...
 Не стыдися! что за дело?
 Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
 Так, учиться ты идешь...
 Знаю: батька на сынишку
 Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
 Отдала четвертачок,
 Что проезжая купчиха
 Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
 Из отпущенных?.. Ну, что ж!
 Случай тоже уж не новый —
 Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,—

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

ИЗ ПОЭМЫ «НЕСЧАСТНЫЕ»

...Наступит ли вечерний час —
Внимая бури вой жестокой,
«Теперь,— он говорил,— у нас,
На нашей родине далекой,
Еще тепло... Закат горит,
Над божьим храмом реют птицы,
Домой идут с работы жницы,
Въезжая на гору, скрипит
Снопам полная телега;
Играя, колос из снопа
Хватает сытый конь с разбега
И ржет. За ним бредет толпа
Коровушек. Стемнело небо,
И смолкли вдруг работы дня;
Ложится пахарь без огня,
И распростерли скирды хлеба
Свою хранительную тень
Вокруг уснувших деревень.
Всё тихо; разве без оглядки
Фельдъегерь пролетит селом,
Или обратные лошадки,

Понура голову, шажком
Пройдут: заснул ямщик ленивый
Верхом на дремлющем коне,
Один бубенчик говорливый
Воркует сладко в тишине.
Да старый вяз в конце селенья
Шумит, столетний часовой;
Пред ним проходят поколения,
Меняясь быстрой чередой,
Он невредим: корысть, беспечность —
Его ничто не сокрушит,
Любовь народная хранит
Его святую долговечность.
Он укрывает в летний зной
Шатром детей деревни целой;
Бедняк калека престарелый
Под ним ложится на покой;
Наш брат, звуча цепями, ссыльный,
Под ним сидит, обритый, пыльный,
И богомолок молодых
Под тень ветвей его густых
Приводит давняя привычка...

Чу! тянут в небе журавли,
И крик их, словно перекличка
Хранящих сон родной земли
Господних часовых, несется
Над темным лесом, над селом,
Над полем, где табун пасется,
И песня грустная поется
Перед дымящимся костром...

Не ждут осенние работы,
Недолог отдых мужиков —
Скрипят колодцы и ворота
При третьей песне петухов,
Дудит пастух свирелью звонкой,
Бежит по ниве чья-то тень:
То беглый рекрутик сторонкой
Уходит в лес, послышав день.
Искал он, чем бы покормиться,
Ночь не послала ничего,
Придется, видно, воротиться,
А страшно!.. Что ловить его!
Хозяйка старших разбудила —
Блеснули в ригах огоньки,
И застучали молотила.
Бог помочь, братья мужики!»

ТИШИНА

1

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиление посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...

.

2

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,
И сосен аромат смолистый
До нас доходит... «Берегись!»
Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть...
Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!
Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны

И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны,—
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту яркой битвы —
Свозили хлеб, сгоняли скот.
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...
И всё минуло... всё молчит...
Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит,
И, с криком обогнув равнину
Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

3

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Вы были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит — и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,

Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.
Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и *он...* как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили,
Изрешетили каждый дом
И, вместо камня, намостили
Ее свинцом и чугуном.
Там по чугунному помосту
И море под стеной течет.
Носили там людей к погосту,
Как мертвых пчел, теряя счет...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня,
Могила... Люди в той стране
Еще не верят тишине,
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.

4

А тройка всё летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит

И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листьями!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепишь,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай — не споря...

* * *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,—

Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

— Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу! —
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоянного
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодницами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя! —

«На, родной! да ты откуда?»
— Я проезжий, городской.—
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возледей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то...— Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?... Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

ЗНАХАРКА

Знахарка в нашем живет околодке:
На воду шепчет, на гуще, на водке

Да на каких-то гадает травáх.
Просто наводит, проклятая, страх!

Радостей мало — пророчит всё горе,
Вздумал бы плакать — наплакал бы море,

Да — господь милостив! — русский народ
Плакать не любит, а больше поет.

Молвила ведьма горластому парню:
«Эй! угодишь ты на барскую псарню!»

И — поглядят — через месяц всего
По лесу парень орет «го-го-го!».

Дяде Степану сказала: «Кичишься
Больно ты сивкой, а сивки лишишься,

Либо своей голове пропадать!»
Стали Степана рекрутством пугать:

Вывел коня на базар — откупился!
Весь околодок колдунье дивился.

«Сем-ка! и я понаведаюсь к ней! —
Думает старый мужик Пантелей.—

Что ни предскажет кому: разоренье,
Убыль в семействе, глядишь — исполнение!

Черт у ней, что ли, в дрожжах-то сидит?...»
Вот и пришел Пантелей — и стоит,

Ждет: у колдуньи была уж девица,
Любо взглянуть — молода, полнолица.

Рядом с ней парень — дворовый, кажись.
Знахарка девке: «Ты с ним не вяжись!

Будет твоя особливая доля:
Малые слезы — и вечная воля!»

Дрогнул дворовый, а ведьма ему:
«Счастьем не быть, молодец, твоему.

Всё говорить?» — Говори! — «Ты зимою
Высечен будешь, дойдешь до запою,

Будешь небритый валяться в избе,
Чертики прыгать учнут по тебе,

Станут глумиться, тянуть в преисподнюю;
Ты в пузыречек наловишь их сотню,

Станешь его затыкать...» Пантелей
Шапку в охапку — и вон из дверей.

«Что же, старик? Погоди — погадаю!» —
Ведьма ему. Пантелей: — Не желаю!

Что нам гадать? Малолетков морочь,
Я погожу пока, чертова дочь!

Ты нам тогда предскажи нашу долю,
Как от господ отойдем мы на волю!

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.

Всё он изведаль: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё — и раздольную степь Оренбургскую,

И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.

Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалась.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко,
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая,
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выражение,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!

Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий

(с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои

И кинулись прочь: человека слыша,

Так стайей с мякены летят воробы.

Затих я, прищурился — снова явились,

Глазенки мелькают в щели.

Что было со мною — всему подивились

И мой приговор изрекли:

«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И, видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» — Услышит, молчи!

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я всё-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:

В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.

Я делывал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали

По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин

Под праздник молиться катит.

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всем потрафлять.
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,

И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребяташки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок

На лаве, где matka колотит белье,
Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:

Сплела себе славный венок,—

Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый

Да изредка красный цветок.

Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.

Вот девочка ловит лукошком лошадку:

Поймала, вскочила и едет на ней.

И ей ли, под солнечным зноем рожденной

И в фартуке с поля домой принесенной,

Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгнать ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.

И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» — Ступай себе мимо! —
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.
(В лесу раздавался топор дровосека.) —
«А что, у отца-то большая семья?»
— Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я... —
«Так вон оно что! А как звать тебя?»
— Власом. —

«А кой тебе годик?» — шестой миновал...
Ну, мертвая! — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, вору идут! — закричал я Фингалу. —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»

Фингалушка скорчил серьезную мину,
 Под сено пожитки мои закопал,
 С особым стараньем припрятал дичину,
 У ног моих лег — и сердито рычал.
 Обширная область собачьей науки
 Ему в совершенстве знакома была;
 Он начал такие выкидывать штуки,
 Что публика с места сойти не могла,
 Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
 Командуют сами! — «Фингалка, умри!» —
 «Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!» —
 «Смотри — умирает — смотри!»
 Я сам наслаждался, валяясь на сене,
 Их шумным весельем. Вдруг стало темно
 В сарае: так быстро темнеет на сцене,
 Когда разразиться грозе суждено.
 И точно: удар прогремел над сараем,
 В сарай полилась дождевая река,
 Актер залился оглушительным лаем,
 А зрители дали стрелка!
 Широкая дверь отперлась, заскрипела,
 Ударилась в стену, опять заперлась.
 Я выглянул: темная туча висела
 Над нашим театром как раз.
 Под крупным дождем ребяташки бежали
 Босые к деревне своей...
 Мы с верным Фингалом грозу переждали
 И вышли искать дупелей.

ДУМА

Сторона наша убогая,
 Выгнать некуда коровушку.
 Проклинай житье мещанское
 Да почесывай головушку.

Спи, не спи — валяйся, по печи,
 Каждый день недоедаючи,

Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накаплиючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное,
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до поту,
День придет — работой тешатся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие,—

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!

КОРОБЕЙНИКИ

Другу-приятелю

Гавриле Яковлевичу

(крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почаству спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

23-го августа 1861
Грешнево

Н. Некрасов.

I

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Песня

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночи погожу,
А завизжу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей цалуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —

Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
«Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!»
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-пóчала
Поповы дочери.

Припев деревенских торгашей

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки вожеватые,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.

Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —
Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики¹ заветные —
Хоть кого приворожат!»

Начались толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень...

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

¹ Любчики — деревенские талисманы, имеющие, но понятиям простолюдинок, привораживающую силу. (Примеч. автора.)

Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина

За селом остановились,
Поделили барыши
И на церковь покрестились,
Повздыхали от души.
«Славно, дядя, ты торгуешься!
Что невесел? ох да ох!»
— В день теперя не отплюешься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь! —
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш.—
Кабы в строку приходились
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалились
До единого купца —
Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх! —
«Понагрел ты Калистратушку».
— Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого.—
«Рыжий, клином борода».
— Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха,
Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.

Бабы сохнут с горя этого,
Мужики в кабаки идут.
Ты попомни целовальника,
Что сказал — подлец седой!
«Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Всё бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!»

Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой! ты, зелье кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением
Знать война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...—
«Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..»

IV

Ай барыня! барыня!

Песня

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,

Чем попало развлекаются
По дороге торгаши.
По реке идут — с бурлаками
Разговоры заведут:
«Кто вас спутал?»¹ — и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, — длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.
Сунул голову в лукошечко —
Старичок за холку хватить!
«Эй! еще, еще немножечко!»
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо, в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика:
Эх ты, пареной да вяленой!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяной,
Надо новый покупать?»

Им обозики военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,

¹ Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование. (Примеч. автора.)

А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
«Чьи такие господа?»
— Кашпирята с Зюзянями...¹—
«Заяц! вон гляди туда!»
Всполошились борзители:
— Ай! ату его! ату!—
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.
«Счастье, Тихоныч, неровное,
Нынче выручка плоха».
— Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост.—
«Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?..» — Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой! ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,

¹ Кашпировы, Зюзины — крестьяне, беседуя между собою об известных предметах и лицах, редко употребляют иную форму выражения. (Примеч. автора.)

Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче баре не берут.
Черт побрал бы моду новую!
А, бывало, в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящею косой,
Вожеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Всё сама руками белыми
Отбирает, не спеша,
И берет кусками целыми —
Вот так барыня-душа!
«Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?»
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
«Подходи сюда, дружок!»
Подбегаю к ним скорехонько.
«Что возьмешь за короб весь?»
Усмехнулся я легохонько:
— Дорог будет, ваша честь.—
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
«Подбирай, честной народ!»

Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!

V

— Много ли верст до Гоголина?

— Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходило
Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работающая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,

Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи,
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненькой —
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи, румяненькой!» —
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня
Да к тебе и подвалилась бы:
«Поцалуй, дружок, меня!..»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой! пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-зазнобушка,
Не обманет мил-дружок!»
Весел Ванька. Припеваючи,
Прямиком домой идет.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мошна-то пораздулася,
Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Прощелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!»
И ударится рысцей.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,

То кочажником, то бродами.
— Эх! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
«Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь». Вот оне!
Черт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал? —
«Бабы их клюкою меряли, —
Ванька с важностью сказал. —
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей».
— Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие... —
«Стой-ка, дядя, чу, идут!»

VI

Только молодец и жив бывал.

Старинная былина

Не тростник, высок колышется,
Не дубровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
«Путь-дорога, коробейнички!»
— Путь-дороженька, стрелец! —
«Что ты смотришь?» — Не прохаживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал? —
«Нет, почудилось тебе.
Трои сутки не был дома я,

Жить ли дома леснику?» —
«А кажись, лицо знакомое», —
Шепчет Ванька старику.
«Что вы шепчетесь?» — Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому? — «Нам по пути,
Я из Шуньи». — А далеко ли
До деревни до твоей? —
«Верст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?»
— Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несем назад. —
Лесничок как расхохочется!
«Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось не скоро бы
Шел ты, старый воробей!»
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
«Ой! Легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевались воробушки,
Полетели отдыхать!»
— Что, дойдем в село до ноченьки? —
«Надо, парень, добрести,
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу». —
И с плеча ружье двуствольное
Снял — и держит на весу.
«Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы». —
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
— Неужели, парень, бьет оно? —
«Бьет на семьдесят шагов». —
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тят да ляп!
Да и сам Христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска.

А туда же, пес в ошейнике,
По прозванию Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой.— Далеко ли? —
«Близко». — Что ты? — «У реки
Куропаточки закокали». —
И детина взвел курки.
«Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу!»

Коробейникам не пелось:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелась,
Понависнула роса.
— День-деньской и так умелешься,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. эй! в кого ты целишься? —
«Так, я пробую прицел...»

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу бычки¹,
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица² ухает,
Чу! ребенком стонет сын.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.
— Аль спознался с лихорадкою? —
«Да уж три недели бьет —
Полечи!» — А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихоныч нахмурился:
— Что за шутки! — говорит. —
Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь,
Погодите полминуточки —
Затяну лихую вам!

¹ Бычки — небольшие стрывочные тучки. Слово было распространено в Ярославской губернии. (Примеч. автора.)

² Ухалица — филин-пугач (grand-duc).

Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А живал богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждет сердечный: «Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?»
Наконец и дело кончили,
А ему решения нет.
«Эй, хозяйка! нету моченьки.
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,
Как полотна буду ткать?»
Да не то у Степанидушки
Завелось на уме:
С той поры ее у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула —
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зеркалом, в облачении
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
«А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мне?»
Тут и сам судья покаялся:
— Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя! —

Тит домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,

И одежду, и станки,
С баринком слюбилась женушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
«Вся-то песня — два словца,
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоеет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».
Сам ее Христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!

ПЕСНЯ УБОГОГО СТРАННИКА

- Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
- Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!
- Я хлебами иду: что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!
- Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!
- Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
- Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба,—
Я опять во стада,—

И. Т. Д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
— Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?.. В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец! —
«Трусы, трусы вы великие!» —
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
— Стыдно! — Тихоныч сказал. —
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать! —
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
— Эй! уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька. — Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить. —
А лесник опять наметился.
— Не шути! — «Чаво шутить!»

Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребяташки, богат;
Два бекаса нынче славные
Мне попались под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! винись!..»
И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
— Их-то нам и покажи! —
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё довели
(Только денег не нашли!),
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли...

СВОБОДА

Родина-мать! по равнинам твоим
Я не ездил еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

ИЗ ПОЭМЫ «РЫЦАРЬ НА ЧАС»

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка,
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.

.....

Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета

Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что по воздуху тихо плывут,—
Всё отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату бегут;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвою;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов —
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность натая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей, покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

ЗЕЛЕНый ШУМ¹

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, — всё зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилась,

¹ Так народ называет пробуждение природы весной. (Примеч. автора.)

Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит,— молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

КУМУШКИ

Темен вернулся с кладбища Трофим;
Малые детки вернулись с ним,

Сын да девочка. Домой-то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Рёвма-ревели; а тятка молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улынулись дети беспечные,

Жжжж-жи! запустили кубарь у ворот...
Кто ни проходит — жалеет сирот:

«— Нет у вас матушки!» — молвила Марьюшка.
«Нет у родимой!» — прибавила Дарьюшка.

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Как теперь будете жить, сиротиночки!» —
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то вас будет ласкать-баловать?» —
Навзрыд заплакали дети опять.

«Полно, не плачьте!» — сказала Протасьевна,
«Уж не воротишь, — прибавила Власьевна. —

Грешную душеньку боженька взял,
Кости в могилушку поп закопал,

То-то, чай, холодно, страшно в могилушке?
Ну же, не плачьте! родные вы, милушки!..»

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал унимать как умел, а соседушки
Ну помогать ему: «Полноте, детушки!

Что уж тут плакать? Пора привыкать
К доле сиротской; забудьте вы мать:

Спели церковники: память ей вечную,
Чай, уж теперь ее гложет, сердечную,

Червь подземельный!..» Трофим поскорей
На руки взял — да в избенку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:
«Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

Матушку на небо боженька взял!»
Целую ночь с ними тятка не спал,

* У самого расходились думушки...
Ну, удружили досужие кумушки!

* * *

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана,—
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные пiski галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок,— в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума инова...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...

Из народной песни

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

«Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю».
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

— Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,

Напекла блинов Оринушка,
Не намотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...—

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
«Да с чего же привязалась
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?..»
Встрепенулася Оринушка:
— Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эти бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вились у Иванушки
Русы кудри как шелковые...—

И опять молчит несчастная...
«Не молчи — развежь кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?»

— Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал,— пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался:
«Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости!» —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу:
«Не белы снежки», — закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигнастики,
Песни пел — такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше!..» Вижу, — задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,
И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...—

Мало слов а горя реченька.
Горя реченька бездонная!..

ПОЖАРИЩЕ

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться невесело,
Кочи, ухабины, ели бессменные!
Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.
Ой! надоела ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бедность крестьянская!
То ли бы дело лошадка заводская,
С полостью санки, прогулка дворянская?..
Даже церковей здесь почти не имеется.
Вот, наконец, впереди развлечение:
Что-то на белой поляне чернеется,
Что-то дымится, — сгорело селение!
Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий

Освобожденную Русь православную
Столб уцелел — и на нем сохраняются
Строки: «Деревня помещика Вечева»!
С лаем собаки на нас не бросаются,
Думают, видно: украсть вам тут нечего!
(Так. А давно ли служили вы с верою,
Лаяли, злились до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставили дыбом в защиту селения?..)
Да на обломках стены штукатуренной
Крайнего дома — должно быть, дворянского —
Видны портреты: Кутузов нахмуренный,
Блюхер бессменный и бок Забалканского.
Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ежатся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копошатся...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.
Не ласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнию,
Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листья,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленье.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,

И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей Ермолай возвращается,

Разбогатеть ему хочется пашнею.
Правит мужик свою нужду домашнюю

Да и семян запасает порядочно —
Тужит, землицы ему недостаточно!

Сила меж тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается,—

Стало хозяйство тогда поправлятися:
Стало земли от семян оставатися!

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ «МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА»

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!» —
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Недаром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,

Но, пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стоишь ты венца,
И разум твой горел не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя,—

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя...

.

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!
Мудреными путями бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй, усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят на плечах
Всё поколение два-три человека!

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

(Из «Медвежьей охоты»)

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пускай пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Всё ж будет слаб, как тряпка, он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
Кто не трудится в будень.
Пока есть лишний мед в дому,
Терпим пчелами трутень;

Когда ж общественной нужды
Придет крутое время,
Лентяй, не годный никуда!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу,—
Запрешь ворота на запор,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая —
Верь, ни единый пес не выл
Тоскливее лентяя!

Итак — о славе не мечтай.
Не будь на деньги падох,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности — в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и куплю и мену
На полосах поведет старина;

Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится, — на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утexas —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— Стой, старина! — Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суeta, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь — загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодежи!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорек торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:

— Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись! —

«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки не ценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек —
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили:
— Будет вам пряников; нате-ка вам! —
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.

Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!
«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II

ПЧЕЛЫ

На-тко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну — и летит, — ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под Благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, Христов человек!

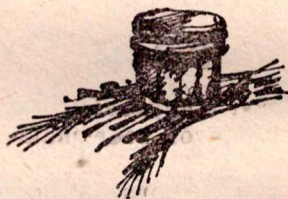
Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до суши вежи поставили», —
Это он слово сказал!

Веришь: чуть первую вежу зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят.

На бугре-то ни травочки,

Ну а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здоровье, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал,
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— Что ты? с мишкой? — «Ничего!
Он у нас смиренный,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...

Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,—
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...
Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:

Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал», — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?...»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Иисусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибѣжали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всѣ село в тревоге;
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...

Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

IV

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

I

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода поднимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За сорок верст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А леший? — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!

За день грибов собираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка — заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кúстом — тетерю подманит,
Спичку к заправке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею! —

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

II

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,

Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,— ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то! — сказал я,— не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазай!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребяташек,
Как прокатил у деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и: «с богом!» сказал...

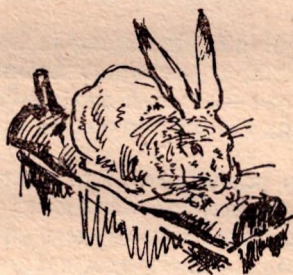
И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... У-у-у-х!...»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок

Я их поклат — и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:

«Не попадайтесь зимой!»

Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая — линяет косой...»

V

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушку послушать.

Там их, что в кузове груздей,—
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа

Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугались сетей
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Средний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,

А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки!»

VI

НАКАНУНЕ СВЕТОГО ПРАЗДНИКА

1

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забыть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

2

Начну по порядку:
Я ехал весной,

В страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути,
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

3

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом;

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры,—
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы,— толпы...
У божьего храма
Сходились тропы,—

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

ДОМА — ЛУЧШЕ!

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем не сравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересесть из коляски
И марш на охоту! Денек не дурной,

Под солнцем осенним родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О матушка-Русь! ты приветствуешь сына
Так нежно, что кругом идет голова!

Твои мужики на меня выгоняли
Зверей из лесов целый день,
А ночью возвратный мой путь освещали
Пожары твоих деревень.

ПРИТЧА

Прислушайте, братцы! Жил царь в старину,
Он царствовал бодро и смело;
Любя бескорыстно народ и страну,
Задумал он славное дело:

Он вместе с престолом наследовал храм,
Где царства святыни хранились;
Но храм был и тесен и ветх; по углам
Летучие мыши гнездились;

Сквозь треснувший пол прорастала полынь,
В нем многое сгнило, упало,
И места для многих народных святынь
Давно уже в нем не хватало...

И новый создать ему хочется храм,
Достойный народа и века,
Где б честь воздавалась и мудрым богам,
И славным делам человека.

И сделался царь молчалив, нелюдим,
Надолго отрекся от света
И начал над планом великим своим
Работать в тиши кабинета.

И бог помогал ему — план поражал
Изяществом, стройной красой,
И царь приближенным его показал
И был возвеличен хвалою.

То правда, вернули в хвалебную речь
Сидевшие тут староверы,
Что можно бы старого часть уберечь,
Что слишком широки размеры,

Но царь изменить не хотел ничего:
«За всё я один отвечаю!..»
И только что слухи о плане его
Прошли по обширному краю,—

На каждую отрасль обширных работ
Нашлись способные люди
И двинулись дружной семьею в поход
С запасом рабочих орудий.

Давно они были согласны вполне
С царем, устройтелем края,
Что новый палладиум нужен стране,
Что старый — руина гнилая.

И шли они с гордо поднятым челом,
Исполнены честного жара:
Их мускулы были развиты трудом
И лица черны от загара.

И вера сияла в очах их; горя
Ко славе отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью!

Рабочие люди в столицу пришли,
Котомки свои развязали,
Иные у старого храма легли,
Иные присели — и ждали...

Но вот уже полдень — а их не зовут!
Безропотно ждут они снова;
Царь мимо проехал, вельможи идут —
А всё им ни слова, ни слова!

И вот уже скучно им празднично сидеть,
Привыкшим трудиться до поту,
И день уже начал приметно темнеть,—
Их всё не зовут на работу!

Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбились,
Но их испугались вельможи его
И в ноги царю повалились:

«О царь! ты прославишься в поздних веках,
За что же ты нас обижаешь?
Давно уже преданность в наших сердцах
К особе своей ты читаешь.

А это пришельцы... Суровость их лиц
Пророчит недоброе что-то,
Их надо подальше держать от столиц,
У них на уме не работа!

Когда ты на площади ехал вчера
И мы за тобой поспешали,
Тебе они громко кричали «ура!»,
На нас же сурово взирали.

На площади Мира сегодня в ночи
Они совещались шумно...
Строение храма ты нам поручи,
А им доверять — неразумно!..»

Волнуют царя и боязнь и печаль,
Он слушает с видом суровым:
И старых, испытанных слуг ему жаль,
И вера колеблется к новым...

И вышел указ... И за дело тогда
Взялись празднолюбцы и воры...
А люди, сгоравшие жаждой труда
И рвением, сдвигающим горы,

Собрали пожитки свои — и пошли,
Стыдом неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую в сердце несли,
Ни с чем уходя, пилигримы,

И целая треть не вернулась домой:
Иные в пути умирали,
Иные бродили по царству с сумой
И смуты в умах поселяли,

Иные скитались по чуждым странам,
Иные в столице остались
И зорко следили, как строился храм,
И втайне царю удивлялись.

Строители храма не плану царя,
А собственным планам служили,
Они пожалели того алтаря,
Где жертвы богам приносили,

И многое, втайне ликуя, спасли.
Задавшись задачей трудной,
Они благотворную мысль низвели
До уровня ветоши скудной.

В основе труда подневольного их
Лежала рутина — не гений...
Зато было много эффектов пустых
И бьющих в глаза украшений...

Сплотившись в надменный и дружный кружок,
Лишь тех отличая вниманьем,
Кто их заслонить перед троном не мог
Энергией, разумом, знаньем,

Они не внимали советам благим
Людей, понимающих дело,
Советы обидой казались им,
Царю говорят они смело:

«О царь, воспрети ты пустым крикунам
Язвить нас насмешливым словом!
Зане невозможно судить по частям
О целом, еще неготовом!..»

Указ роковой написали, прочли,
И царь утвердил его тут же,
Забыв поговорку своей же земли,
Что «ум хорошо, а два лучше!».

Но смело нарушил жестокий закон
Один гражданин именитый.
Служил бескорыстно отечеству он
И был уже старец маститый.

Измлада он жизни умел не жалеть,
Не знал за собой укоризны
И детям внушал, что честней умереть,
Чем видеть бесславье отчизны;

По мужеству воин, по жизни монах
И сеятель правды суровой,
О «новом вине и о старых мехах»
Напомнив библейское слово,

Он истину резко раскрыл пред царем,
Но слуги царя не дремали,
Успев овладеть уже царским умом,
Улик они много собрали:

Отчизны врагом оказался старик —
Чужда ему преданность, вера!
И царь, пораженный избытком улик,
Казнил старика для примера!

И паника страха прошла по стране,
Всё головы долу склонило,
И строилось здание в немой тишине,
Как будто копалась могила...

Леса убирают — убрали... и вот:
«Готово!» — царю возвещают,
И царь по обширному храму идет,
Вельможи его провожают...

Но то ли пред ним, что когда-то в мечте
Очам его царским являлось
В такой поражающей ум красоте,
Что неба достойным казалось?

Над чем, напрягая, взыскательный ум,
Он плакал, ликуя душою?
Нет! Это не плод его царственных дум!..
Царь грустно поник головою.

Ни в целом, ни в малой отдельной черте,
Увы! он не встретил отрады!
Но всё ж в несказанной своей доброте
Строителям роздал награды.

И тотчас же им разойтись приказал,
А сам, перед капищем сидя,
О плане великом своем тосковал,
Его воплощенья не видя...

ДЕДУШКА

(Посвящается З-н-ч-е)

I

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.
«Кто это? — спрашивал Саша.—
Кто?..» — Это дедушка твой.—
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя,
Зорко глядит на портрет:
«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он... жив? говори!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.—
«То-то... ты скажешь, смотри!..»

II

«Дедушку знаешь, мамаша?» —
Матери сын говорит.
— Знаю,— и за руку Саша
Маму к портрету тащит,
Мама идет против воли.
«Ты мне скажи про него,
Мама! недобрый он, что ли,
Что я не вижу его?»
Ну, дорогая! ну, сделай
Милость, скажи что-нибудь!»
— Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный.— На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхает, дрожит —
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдем-ка гулять...—

III

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,

Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
— Скоро увидишь ты деда! —
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша, — не может уснуть:
«Что же он долго не едет?..»
— Друг мой! Далеко ему путь! —
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: «Что за ответ!»
Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.

IV

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом; и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шею торжественно снял
Образ распятого бога
И, покрестившись, сказал:
— Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!.. —
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
— Экой красавчик какой! —
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал, — вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»

— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика!..

V

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;
Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски-просто,
Ровно всегда говорит...

VI

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бечевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.
Легкой прохладой дует
С медленных, дремлющих вод...
Дедушка землю целует,
Плачет — и тихо поет...
«Дедушка! что ты роняешь
Крупные слезы, как град?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад...

VII

Рад я, что вижу картину,
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,

Сто деревенок крестьянских
Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропот: «Подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!»
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней?..
Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих, —
Будет и в песне отрада
Вместо унынья и мук.
Надо ли? — «Дедушка, надо!»
— То-то! попомни же, внук!..—

VIII

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет не трудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

IX

— Скоро дадут им свободу, —
Внуку старик замечал. —
Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь за раскол.
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —

Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...

Х

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё принялось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

ХІ

Дети до возраста в неге,
Конь хоть сейчас на завод,
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,

Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока
Только ты им не мешай.—
«Где ж та деревня?» — Далеко,
Имя ей «Тарбагатай»,
Страшная глушь, за Байкалом...
Так-то, голубчик ты мой,
Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой...

XII

Ну... а куда подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным, убитым лицом,—
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
Эй! отдохни-ко, сердечный!
Я за тебя потружусь! —
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Как я работником стал!

XIII

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных —
Видеть довольство вокруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу...
Ну а как в наши-то дни!

Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу,—
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» — и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести?.. кто?..

XIV

Впрочем, не то еще было!
И не одни господа,
Сок из народа давила
Подлых подьячих орда.
Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Труссы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страной висел...
Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

XV

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,
Где не покорность тупая —

Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая —
Скажется мигом страна.
Единодушье и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего, —
Красноречивым воззваньем
Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отсталой!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...—

XVI

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши как брата,
Ласково с ним говорил:
— Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышат зачем!

XVII

А недоволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрышет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее приищет

Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!»
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою:
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?.. —
«Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи...
Взрослые люди — не дети,
Трус, кто сторицей не мстит.
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид!.. —

XVIII

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
— Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть. —
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была!..

XIX

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданье

В дикой, далекой глуши
И о чудесном влиянье
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам...»
— Вырастешь, Саша, узнаешь —
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал... —
«Ну! приучусь я к терпенью!» —
Саша уныло сказал...

XX

Часто каталися летом
Наши друзья в челноке,
С громким, веселым приветом
Дед приближался к реке:
— Здравствуй, красавица Волга!
С детства тебя я любил. —
«Где ж пропадал ты так долго?» —
Саша несмело спросил.
— Был я далеко, далеко... —
«Где же?..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребенка глядит:
— Лучше не спрашивай, милый!
(Голос у деда дрожит.)
Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По году весточки ждешь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,
Близким копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь... —
«Что ж ты там, дедушка, жил?..»

— Вырастешь, Саша, узнаешь! —
Саша слезу уронил...

XXI

«Господи! слушать наскучит!
«Вырастешь!» — мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
«Вырастешь», — то же твердит!
То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри!..
(Стал на скамеечку челна)
Лучше теперь говори!..»
Деда целует и гладит:
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется, как голубь, оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Всё непременно узнать!»
Дедушка, внука целуя,
Шепчет: — Тебе не понять.
Надо учиться, мой милый!
Всё расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
И географию тоже. —
«Долго ли, дедушка, ждать?»
— Годик, другой, как случится. —
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!» —
Издали громко кричит.

XXII

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
И Петербург, и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!

Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

ИЗ ПОЭМЫ «КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ»

(1826 год)

...Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал,

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня (входит в станционный дом)
В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор
Пришел я встретить вас.

Княгиня
Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор
Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалеко мой путь...

Губернатор

Всё ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе,— и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек,
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!

(отворяя дверь в сени)

Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — цари!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?

Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —

Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол

И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?... с вами не знаять
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг,— я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забывать того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.

Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станет с женой,
Увлекся призраком пустым,
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнес:
— До завтра — и ушел...

Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: — Быть так!

Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы! —

«Да что же мне еще терять?»

— За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав! —

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:

— Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалют,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненок путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Ушла бы я давно...
Велите ж партию собирать —
Иду! мне всё равно!..

— Нет! вы поедете!..— вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза.—
Как я вас мучил... Боже мой!
(Из-под руки на ус седой
Скатилась слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Осторожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
(отворяя дверь, кричит)
Эй! запрягать, сейчас!..

ИЗ ПОЭМЫ «КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ»

(Бабушкины записки)
(1826—27 гг.)

Г л а в а V

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолков-старушек,
Гремящая почта, фигура купца
На груди перин и подушек;
Казенная фура! с десятков подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены:
«Уводят, уводят сердечных в полки!» —
Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкуются.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Попы у харчевни дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до Нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой, и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знать
Веселья... я еду на муки!..»
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволение со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. «Готов ли ямщик?»
— Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета, — заметил смотритель-старик. —
Метель начала подыматься! —
«Ах! то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..»

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,

И новый успел родиться!
Откинув циновку, гляжу я вперед —
По-прежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко,—
Сказал он,— рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель все ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
«Зачем?» — Одолели медведи! —

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, задравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы по мере пути
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука,

Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А все-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Циновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и — целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки¹, —
Сказал мой ямщик. — Мы увидим ее,
Она, чай, идет недалече...»

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне сижу, поджидаю...
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо —
Черты были злы и суровы —
И, выпустив изо рта дыму кольцо,
Сказал: — Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!.. —
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал,
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:

¹ Обоз с серебром.

— Здоровы! — сказал он, — я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!.. —
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Не даром я вынесла пытку!

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе не обидно...

(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути,
К несчастью, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тороватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане...
А праздник, как мертвая, весь проспала
В гостиной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, — Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— *Они в Благодатске!* — Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

Г л а в а VI

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне нежданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
— Устала, устала я, Маша! —
«Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом,
И обе достойно свой крест понесем
И будем мы сильны друг другом.

Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Не много!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорой гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистой
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва — мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатали мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
— На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали — я брать не хотел:
«Возьми, паренек, пригодится...» —

Болтая, он живо в село прилетел:
— Ну, барыни! где становиться? —
«Вези нас к начальнику прямо в острог».
— Эй, други, не дайте в обиду! —

Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил, по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— Застряла, застряла, голубушка, там! —
«Вот копия, нам ее дали...»
— Что копия? с ней попадешься впросак! —
«Вот царское вам позволение!»
Не знал по-французски упрямый чужак,
Не верил нам, — смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Николай?»

До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,
Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
«Да точно ли?..» — Честное слово! А вам
Полезнее выпасться будет!.. —

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случилось с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...
Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
«Не здесь ли преступники?» — Здесь, да ушли, —
«Куда?» — На работу, вестимо! —
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
«Вы видите их?» — я спросила детей.
— Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!.. — Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнание, где я ни была
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла

Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...
«Вас в каторге самый закон не спасет!» —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменный:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!

Рыданиям моим часовой уступил,
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускалась всё ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он: темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг услышала я крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»
Бедая моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотымах наугад побежала...
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светила...
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась...
Я сбросила шубу... Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь... и тени на ней
Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали...
Вот ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад! — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенской...

Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участия...
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастью, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать. Между тем
Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!.. (Но никто не подставил ее...)
Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..» Но мы
Всё вглубь уходили... Отсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни, — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он! идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед,—
Канавы была перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели,—
Сказал Трубецкой,— чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл никого
(О, мстительный трус и мучитель!), —
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддерживали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновление,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я побежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени,— и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи — в мгновенье

И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованны, бледны, суровы —
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Всё тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

«Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите! — сказал со слезами старик. —
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Внизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша, — в остроге!...»

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ГОРЕ СТАРОГО НАУМА»

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

ИЗ ГЛАВЫ «ПОСЛЕДЫШ»

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по лугу,
Что гол, как у подъячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «князья Волконские»
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы.

«Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч. —
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Здравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поравнялися —

Всё пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулись:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята...

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошенная,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помощь!»
— Спасибо, молодцы! —

Остановились странники...
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

По низменному берегу,
На Волге, травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелась
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую
Под песню, незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеена
Метелями и вьюгами
Родимых деревень...

ИЗ ГЛАВЫ
«ПИР НА ВЕСЬ МИР»

* * *

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая,—
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!..

* * *

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:
Каким идти?

Одна просторная —
Дорога торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выпрерней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные.
На бой, на труд

За обойденного,
За угнетенного,
Умножь их круг,

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
И будь им друг!

* * *

В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю,
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудной,
Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
Свиристествовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином,

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе раба,
Но мать уже вольного сына!..

БУРЛАК

Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бечевою,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» стонал:
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул,
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Защиты в пояс три рубля.
Остатком — медью — шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крикнул от души,
Перекрестил на церковь грудь:
Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой — не близкий путь.
Дай бог дойти и отдохнуть!

РУСЬ

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесьть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, —

Встади — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

Пути-дороги народного поэта

У «Бесконечная тянется дорога, и на ней, вслед промчавшейся тройке, с тоскою глядит красивая девушка, придорожный цветок, который сомнется под тяжелым, грубым колесом. Другая дорога, уходящая в зимний лес, и близ нее замерзающая женщина, для которой смерть — великое благословение... Опять бесконечная тянется дорога, та страшная, которую народ прозвал проторенной цепями, и по ней, под холодной далекой луной, в мерзлой кибитке, спешит к своему изгнаннику-мужу русская женщина, от роскоши и неги в холод и проклятие», — так писал о творчестве Н. А. Некрасова один русский поэт начала XX века.

Стихотворением «В дороге» Некрасов начал свой путь, поэмой о странствиях по Руси мужиков-правдоискателей он его закончил. Когда на закате дней Некрасов пытался написать свою биографию, его детские впечатления вновь сопровождала дорога: «Сельцо Грешнево стоит на низовой Ярославско-Костромской дороге, называемой Сибиркой, она же и Владимирка: барский дом выходит на самую дорогу, и всё, что по ней шло и ехало и было ведо́мо, начиная с почтовых троек и кончая арестантами, закованными в цепи, в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства.

Грешневская дорога явилась для Некрасова первым «университетом», широким окном в большой всероссийский мир, началом познания многошумной и беспокойной народной России:

У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав — вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит¹,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.

.....
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

¹ См. комментарии к поэме «Крестьянские дети».

С незапамятных времен дорога вошла в жизнь ярославско-костромского крестьянина. Скучная земля российского нечерноземья часто ставила его перед трудным вопросом: как прокормить растущую семью? Суровая северная природа заставляла мужика проявлять особую изобретательность в борьбе за существование. По народной пословице, выходил из него «и швец, и жнец, и на дуде игрец»: труд на земле волей-неволей подкреплялся попутными ремеслами. Издревле крестьяне некрасовского края занимались плотницким ремеслом, определялись каменщиками и штукатурами, овладевали ювелирным искусством, резьбой по дереву, изготовляли колеса, сани и дуги. Уходили они и в бондарный промысел, не чуждо им было и гончарное мастерство. Бродили по дорогам портные, лудильщики, шерстобиты, гоняли лошадей лихие ямщики, странствовали по лесам да болотам с утра до вечера зоркие охотники, продавали по селам и деревням нехитрый «красный» товар плутоватые коробейники.

Желая с выгодой для семьи употребить свои рабочие руки, устремлялись мужики в города — губернские, Кострому и Ярославль, а чаще всего в столичный Петербург да в первопрестольную Москву-матушку. Как перелетная птица, с наступлением первых зимних холодов, завершив крестьянскую полевую страду, собирался отходник в дальнюю дорогу. Всю зиму трудился он не покладая рук на чуждадельной сторонushке, строил дома в Москве и Петербурге, катал валенки, дубил кожи, водил по многолюдным местам медведя на потеху честному народу... Когда же начинало пригревать по-весеннему ласковое солнышко, собирал отходник в котомку свой нехитрый инструмент и с легким сердцем, звеня трудовыми пятаками, отправлялся домой, на родину. Звала к себе земля: в труде пахаря-хлебороба любой отходник все-таки видел основу, корень своего существования.

И снова этот непоседливый люд без числа всё по той же дороге, с которой так сроднилась душа будущего народного поэта. Еще мальчиком встретил здесь Некрасов крестьянина, не похожего на старого, оседлого хлебороба, кругозор которого ограничивался пределами своей деревни. Отходник далеко побывал, многое повидал. На стороне он не чувствовал повседневного гнета со стороны помещика и управляющего, дышал полной грудью и на мир смотрел широко открытыми глазами. Это был человек независимый и гордый, критически оценивающий окружающее: «и сказку рассказывает, и притчу¹ ввернет»!

Задолго до отмены крепостного права ярославско-костромская земля рождала крестьянина-«артиста», мудреца и философа, смышленного, бойкого, предприимчивого. Этот тип мужика стал повсеместным не везде и не сразу. Лишь после 1861 года «падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого

¹ Притча — иносказательный рассказ с нравоучением.

вести борьбу за полную свободу... На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину выросло новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы» (В. И. Ленин)¹.

В характере самого Некрасова с детских лет укоренился дух правдоискательства, который искони был присущ его землякам, костромичам, ярославцам. Народный поэт тоже пошел по дороге «отходника», но только не крестьянского, а дворянского.

Родился Некрасов на Украине 28 ноября (10 декабря по новому стилю) 1821 года, где служил тогда его отец. Вскоре майор Алексей Сергеевич Некрасов вышел в отставку и осенью 1824 года вернулся с семьей в родные места. В Грешневе он начал обычную жизнь мелкопоместного дворянина, в распоряжении которого было всего лишь 50 душ крепостных. Человек крутого нрава и деспотического характера, он не щадил своих подчиненных. Доставалось подвластным ему мужикам, хватили с ним горя и домохадцы, особенно мать поэта, Елена Андреевна, женщина доброй души и чуткого сердца, умная и образованная. Горячо любившая детей, ради их счастья и спокойствия, ради их будущего она терпеливо сносила царивший в доме произвол.

Крепостническое самодурство в те годы было явлением обычным, почти повсеместным, но с детских лет глубоко уязвило оно душу поэта, потому что жертвой оказался не только он сам, не только грешневские крестьяне и дворовые, но и любимая «русокудрая, голубокая» мать поэта. «Это было раненное в самом начале жизни сердце,— говорил современник Некрасова, русский писатель Ф. М. Достоевский,— и эта-то никогда не заживавшая рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь»². Из жизни в Грешневе вынес Некрасов-поэт исключительную чуткость к чужому страданию.

Но и от своего отца Некрасов кое-что унаследовал. Прежде всего — силу характера, твердость духа, завидное упрямство в достижении поставленной цели:

Как требовал отцовский идеал:

Рука тверда, глаз верен, дух испытан.

От Алексея Сергеевича Некрасов с детских лет заразился и охотничьей страстью, той самой, которая впоследствии пуще всех других способствовала искреннему, сердечному сближению его с мужиком.

Именно в Грешневе завязалась глубокая, сердечная дружба

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 141.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. М., 1984, т. 26, с. 111.

Некрасова с крестьянами, которая питала потом его душу и творчество на протяжении всей жизни поэта:

Приятно встретиться в столице шумной с другом
Зимой,
Но друга увидеть идущего за плугом
В деревне в летний зной,—
Стократ приятнее.

Так писал Некрасов летом 1861 года в Грешневе, куда он часто наезжал после примирения с отцом.

Ссора с ним произошла по известному и весьма характерному поводу. Рано стал тяготиться Некрасов крепостническим произволом в доме отца, рано стал заявлять свое несогласие с отцовским образом жизни. В Ярославской гимназии он уже целиком отдался второй любимой страсти, унаследованной от матери,— литературе. Юноша не только много читал, но и пробовал свои силы на литературном поприще. К моменту решающего поворота в его судьбе у Некрасова была тетрадь собственных стихов, написанных в подражание модным тогда поэтам:

Я отроком покинул отчий дом
(За славой я в столицу торопился)...

20 июля 1838 года шестнадцатилетний Некрасов отправился в дальний путь с заветной тетрадью. Вопреки воле отца, желавшего видеть сына в военном учебном заведении, Некрасов решил поступить в университет. Узнав о его намерении, Алексей Сергеевич пришел в ярость, отправил сыну письмо с угрозой лишить его всякой материальной поддержки. Но крутой характер отца столкнулся с решительным нравом сына. Наступил разрыв: Некрасов остался в Петербурге один, без всякой помощи и совета, без всякой поддержки и опоры. Началась жизнь, совершенно не похожая на жизнь обычного дворянского сына. Будущий поэт сам избрал для себя путь тернистый, типичный скорее для бедного человека из народных низов, тяжким трудом пробивающего себе дорогу.

«Петербургскими мытарствами» называют обычно этот период в жизни Некрасова. И в самом деле, неудач было много: провал на экзаменах в университет, неудача первого сборника подражательных, ученических стихов «Мечты и звуки», полуголодное существование, наконец, поденная, черновая работа в столичных журналах, работа ради куска хлеба, не приносившая подчас никакого морального удовлетворения. Но одновременно формировался стойкий и мужественный характер: «хождение по мукам» и закалило поэта, и открыло перед ним жизнь петербургских низов, жизнь тех же мужиков, но только не в деревенском, а в городском, «отходническом» их быту. В поисках заработка частенько приходил Некрасов на Сенную площадь, где собирался простой люд: торговали своими изделиями мастеровые, про-

давали овощи и молочные продукты, крестьяне из окрестных сел и деревень. За грошовую плату писал будущий поэт неграмотным мужикам прошения и жалобы, а одновременно прислушивался к народной молве, узнавал сокровенные мысли и чувства, бродившие в умах и сердцах трудовой России. С накоплением жизненных впечатлений шло накопление литературных сил, уже опирающихся на глубокое понимание общественной несправедливости:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистел, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Отныне и на всю жизнь главной целью некрасовской Музы, богини поэтического искусства, стала судьба простого человека, русской женщины-крестьянки, бесправного мужика, городского нищего.

В ходе этого духовного возмужания судьба свела Некрасова с человеком, которого до конца дней он считал своим учителем, перед кем «смиренно преклонял колени». Поэт встретился с великим русским критиком В. Г. Белинским в 1843 году, когда «неистовый Виссарион», как его называли друзья, был страстно увлечен социалистическими идеалами свободы, братства всех людей и клеймил существующее в России общественное неравенство. «Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности?.. — говорил Белинский юному Некрасову. — Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде босоногих мальчишек, играющих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем подмышкою чиновника...»¹.

Сильно подействовали на восприимчивого юношу передовые, освободительные идеи Белинского. Ведь горькую долю бесприютного бедняка Некрасов испытал на своем собственном опыте: петербургские мытарства научили его в каждом нищем видеть своего собрата, искренне сострадать несчастьям и бедам народным, глубоко любить «золотое народное сердце». Социалистические идеи пали на благодатную почву: они нашли в душе поэта самый прямой и прочувствованный отклик. Впоследствии Некрасов заплатил щедрую дань любви и благодарности своему учителю

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. ХИ, с. 69.

в стихотворении «Памяти приятеля», в поэме «В. Г. Белинский», в сценах из лирической комедии «Медвежья охота»;

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

В свою очередь Белинский ценил в Некрасове острый критический ум, поэтический талант, глубокое знание народной жизни и унаследованную от ярославцев деловитость. Вместе с Белинским Некрасов становится организатором литературного дела. Чуткий редактор и умелый издатель, он собирает и публикует в середине сороковых годов две книги — «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник». В них печатают очерки, повести и рассказы о жизни столичной бедноты друзья Белинского и Некрасова, писатели передового образа мысли, среди них — Ф. М. Достоевский, первый роман которого «Бедные люди» Некрасов высоко оценил и поместил в «Петербургском сборнике». А с 1847 года в руки Некрасова и его друзей переходит журнал «Современник», основанный А. С. Пушкиным, потускневший после его смерти и заново возрожденный.

С журналом «Современник» будут связаны самые передовые и свободомыслящие, самые талантливые люди 1840—1860-х годов. При участии Некрасова И. С. Тургенев публикует здесь «Записки охотника», а Л. Н. Толстой — повести «Детство», «Отрочество», «Юность». Другом Некрасова будет выдающийся революционер, писатель и мыслитель Н. Г. Чернышевский, литературный критик, революционер-демократ Н. А. Добролюбов. Некрасов-редактор будет первооткрывателем молодых писательских дарований — Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова и Г. И. Успенского. А с конца 1860-х годов и вплоть до самой смерти Некрасов редактирует журнал «Отечественные записки», вокруг которого объединяются прогрессивные литературные силы.

К 1848 году в Петербурге организуется первый в России социалистический кружок, руководимый М. В. Петрашевским. В него входят молодые русские литераторы: сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, поэт А. Н. Плещеев, писатель Ф. М. Достоевский. У отдельных членов этого кружка растут и крепнут революционные настроения, зреет мысль о свержении царя, об отмене крепостного права, установлении в России социалистических отношений.

И вот на самом взлете общественное движение того времени подсекает страшный удар. В феврале 1848 года вспыхивает революция во Франции, и перепуганный Николай I решает разом пресечь в России «вольномыслие». Утром 23 апреля все члены кружка Петрашевского были арестованы и отданы под следствие. И Белинскому грозила подобная участь, но, как писал Некрасов, «тут услужливо могила ему объятья растворила»... В стране

начался один из самых тяжелых периодов ее истории получивший название «мрачного семилетия»:

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.

Так писал Некрасов о трудных годах, которые переживала тогда наша литература. Придирки цензоров доходили до нелепости: даже в поваренных книгах вычеркивалось словосочетание «вольный дух». Случалось, что перед выходом в свет «Современника» цензура запрещала к публикации добрую треть материала номера, и Некрасову приходилось проявлять невероятную изобретательность, чтобы спасти журнал от катастрофы.

Бесславный конец этому мрачному периоду положила Крымская война, показавшая «гнилость и бессилие крепостной России»¹. 18 февраля 1855 года умер Николай I, а 30 августа пал Севастополь. Поражение в войне встряхнуло весь народ. В стране начался общественный подъем, поднималась волна недовольства: то здесь, то там вспыхивали крестьянские бунты.

В этих условиях Некрасов решается на издание сборника своих стихов, который выходит в свет в 1856 году. 5 ноября 1856 г. Чернышевский сообщил Некрасову: «Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли «Ревизор» и «Мертвые души» имели такой успех, как Ваша книга». «А Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, — жгутся», — сказал И. С. Тургенев. Примечательные слова! Готовя к изданию книгу, Некрасов действительно проделал большую работу, «собирая стихотворения в один фокус», в единое целое, напоминающее мозаическое художественное полотно.

Сборник открывало стихотворение «Поэт и гражданин», призывавшее поэта к высокому общественному служению. Затем шли четыре раздела: в первом — стихи о жизни народа, во втором — сатира на его угнетателей, в третьем — поэма об истинных и ложных друзьях народа («Саша»), в четвертом — стихи о дружбе, о любви.

Внутри каждого раздела стихи располагались в строгой последовательности. Первый раздел, например, напоминал собою поэму о народе, о его грядущих судьбах. Открывалась эта «поэма» стихотворением «В дороге», а завершалась жизнерадостным «Школьником». Эти стихи перекликались друг с другом. Их объединял образ русской проселочной дороги, разговоры барина в первом стихотворении — с ямщиком, во втором — с крестьянским мальчуганом.

Ямщик рассказывает барину грустную историю о том, как его женили на девушке, получившей воспитание в барском доме.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

Оказавшись по произволу господ в крестьянской избе, Груша чувствует себя несчастной и потерянной: «ни косить, ни ходить за коровой» она не умеет, а муж не в состоянии понять ее духовной жизни. Но несчастен по-своему и мужик, которому трудно жить с «белоручкой и белоличкой», неспособной к повседневному крестьянскому труду. В горьких словах ямщика: «Погубили ее господа», — есть суровая правда. Но есть и другое. Ненависть народа к господам заходит так далеко, что распространяется и на просвещение, науку. В них ямщик видит тоже «господскую» причуду:

На какой-то патрет всё глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет...

И вот в заключение раздела снова тянется дорога — «небо, ельник и песок» (стихотворение «Школьник»). Внешне она так же невесела и неприветлива, как и в первом стихотворении. Но в народном сознании совершается благотворный переворот:

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Тянется дорога, и на наших глазах изменяется, светлеет крестьянская Русь, устремившаяся к знанию, начинающая верить в творческую силу науки. Пронизывающий стихи образ дороги приобретает у Некрасова дополнительный, условный, метафорический смысл: он усиливает ощущение перемен в духовном мире крестьянина.

Некрасов-поэт очень чуток к тем изменениям, которые свершаются в народной среде. В его стихах народная жизнь изображается по-новому, не так, как у предшественников. На избранный Некрасовым сюжет стихотворения «В дороге» существовало много стихов, в которых мчались удалые тройки, звенели колокольчики под дугой, звучали то удалые, то грустные песни ямщиков. В начале своего стихотворения Некрасов именно об этом читателю и напоминает:

Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку...

Но нас удивляет в некрасовском стихотворении речь ямщика, лишенная привычных песенных интонаций. Говор ямщика коряв, грубоват. Почему Некрасов избирает именно такой, приземленный подход к изображению человека из народа?

Заметим: в народных песнях речь, как правило, идет об «удалом молодце» или «красной девице», и все, что с ними происходит, может повториться в жизни каждого человека из крестьянской среды. Некрасова же интересует другое: как народные радости или невзгоды проявляются в судьбе именно этого, единственного героя. Общее в крестьянской жизни поэт изображает через индивидуальное, неповторимое. Позднее в одном из своих стихотворений поэт радостно приветствует своих деревенских друзей:

Все-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.

Так ведь и случается в его поэзии: что ни мужик, то неповторимая личность, единственный в своем роде характер. Пожалуй, никто из предшественников и современников Некрасова не дерзал так близко, вплотную сойтись с народом на страницах поэтических произведений. Известный русский поэт, современник Некрасова Ф. И. Тютчев, например, в 1866 году написал такие стихи:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

II Некрасов же пытался понять Россию народную умом, почувствовать сердцем, а потому и вера его в будущее народа никогда не была слепой. Лишь он смог тогда не только писать о народе, но и «говорить народом», впуская крестьян, нищих, мастеровых с их разным пониманием жизни, разным языком, разными характерами в свои стихи. Более того, народное сознание, народный взгляд на вещи поэт как бы присвоил себе: он и сам пытался смотреть на мир народными глазами. В этом и заключено неповторимое своеобразие народности некрасовского творчества.

Прислушаемся к тому, как звучит начало стихотворения «Школьник»:

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Чьи мы слышим слова? Русского интеллигента, дворянина, едущего по невеселому нашему проселку, или ямщика-крестьянина, понукающего усталых лошадей? По-видимому, и того и другого, два эти «голоса» слились в один:

Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Так мог бы сказать об отце школьника его деревенский сосед. Но говорит-то здесь Некрасов: народные интонации, сам речевой склад крестьянского языка родственно принял он в свою душу.

III Г О ком идет речь в стихотворении «Несжатая полоса»? Как будто бы о больном крестьянине. Даже приметы осеннего пейзажа — «поля опустели» — схвачены здесь глазами труженика-пахаря. И беда осмыслена с крестьянской точки зрения: некому убирать полосу, пропадет выращенный урожай. По-крестьянски одушевляется и земля-кормилица: «кажется, шепчут колосья друг-другу». «Помирать собрался, а рожь сей», — говорили в народе. И с наступлением смертного часа крестьянин думал не о себе, а о земле, которая останется без него сиротою.

Но читаешь стихотворение и всё более и более ощущаешь, что это очень личные, очень лирические стихи, что глазами пахаря поэт смотрит и на себя. Так оно и было. «Несжатую полосу» Некрасов писал тяжело больным, перед отъездом за границу на лечение в 1855 году. Поэта одолевали грустные мысли; казалось, что дни уже сочтены, что и в Россию он может не вернуться. И тут мужественное отношение народа к бедам и несчастьям помогало Некрасову выстоять перед ударом судьбы, сохранить духовные силы. Образ «несжатой полосы», как и образ дороги в предыдущих стихах, обретает у Некрасова переносный, метафорический смысл: это и крестьянская нива, но и «нива» писательского труда, тяга к которому у большого поэта сильнее смерти, как сильнее смерти любовь хлебороба к труду на земле, к трудовой ниве.

В свое время Достоевский в речи о Пушкине говорил о «всемирной отзывчивости» русского национального поэта, умевшего чувствовать чужое как своё, проникаться духом иных национальных культур. Некрасов многое от Пушкина унаследовал. Муза его удивительно «прислушлива» к народному миропониманию, к разным, подчас очень далеким от поэта характерам людей. Это качество некрасовского таланта проявилось по-своему даже в его сатирических произведениях.

Во втором разделе сборника стихов 1856 года Некрасов выступил как очень своеобразный сатирический поэт. В чем заключалось его своеобразие? У предшественников Некрасова сатира была по преимуществу карающей: Пушкин видел в ней «витийства грозный дар». Сатирический поэт уподоблялся античному Зевсу-громовержцу. Он высоко поднимался над сатирическим героем и метал в него молнии испепеляющих, обличительных слов. Послушаем начало сатиры поэта-декабриста К. Ф. Рылеева «К временщику»:

Надменный временщик, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный...

А у Некрасова всё иначе, всё наоборот! В «Современной оде» он старается, напротив, как можно ближе подойти к обличаемому герою, проникнуться его взглядами на жизнь, подстроиться к его самооценке:

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Более того, в стихах «Нравственный человек» и «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» герои уже сами о себе и сами за себя говорят. А мы смеемся, мы негодуем! Почему? Да потому, что Некрасов «приближается» к своим героям с издевкой: намеренно заостряет враждебный ему образ мыслей. Вот его герои как бы и не нуждаются в обличении извне: сами себя они достаточно глубоко разоблачают. При этом мы проникаем вместе с поэтом во внутренний мир сатирических персонажей, явными оказываются самые потаенные уголки их мелких, подленьких душ. Именно так обличает Некрасов знатного вельможу в «Размышлениях у парадного подъезда». Почти буквально воспроизводит он взгляд вельможи на счастье народное и пренебрежение к заступникам народа:

Щелкоперов забавую
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!

Повествование о вельможе выдержано в тоне иронического восхваления, подобно тому, какое использует поэт в «Современной оде».

В поэме «Железная дорога» мы слышим монолог генерала. Некрасов дает герою выговориться до конца, и этого оказывается достаточно, чтобы заклеить генеральское презрение к народу и его труду.

В сатирах, подобно талантливому актеру, Некрасов перевоплощается, надевает на себя разные сатирические маски, но остается в любой роли самим собой. Очень часто его стихи состоят из отдельных, как будто бы самостоятельных эпизодов-сцен.

Таков, например, поэтический цикл «На улице». Одна уличная сценка сталкивается с другой, другая сменяется третьей вплоть до вывода поэта: «Мерещится мне всюду драма». Но эти сценки перекликаются друг с другом, и мы начинаем понимать, что речь идет не об отдельных, отрывочных эпизодах городской жизни, а о невыносимо тяжелом существовании петербургских низов. Точно так же в «Забытой деревне» в отдельных эпизодах проступает вся крестьянская Русь, страдающая под игом крепостничества.

Стремление поэта к широкому охвату жизни приводило к созданию больших произведений, поэм, одним из первых опытов которых стала поэма «Саша». Она создавалась в счастливые время подъема общественного движения, на заре 1860-х годов. В стране назре-

вали крутые перемены, появлялись люди сильных характеров, революционных убеждений. В отличие от дворян, они были выходцами из общественных слоев, близко стоящих к народу, из так называемых разночинцев. В поэме «Саша» Некрасов хотел показать, как рождаются эти «новые люди» и чем они отличаются от прежних героев — дворян.

Духовная сила человека, по Некрасову, питается кровными связями его с родиной. Чем глубже эта связь, тем значительнее оказывается человек и наоборот. Лишенный «корней» в родной земле, в родной природе, человек превращается в слабое, бесплодное существо. Уподобляется степной травке перекасти-поле дворянин Агарин. Это бесспорно умный, одаренный и образованный человек. Но в характере этого «вечного странника» нет твердости и веры, потому что нет животворящей и укрепляющей человека любви к Родине, к трудовому народу.

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Агарину противопоставлена в поэме юная Саша. Душевный мир ее слит с родной природой, с просторами полей, с шепотом сосновых лесов, с русскими народными сказками. Ей доступны радости и печали простого деревенского детства: по-народному воспринимает Саша природу, по-народному любит светлыми, праздничными сторонами крестьянского труда на кормилице-ниве или жалеет срубленный лес.

В повествование о встрече Саши с Агариным Некрасов искусно вплетает народную притчу о «сеятеле» и «почве». Крестьянин-хлебороб в этой притче уподоблял просвещение посеву, а его результаты — земным плодам, вырастающим из семян на трудовой ниве. Чем лучше удобрена почва на ниве, чем ласковее освещена она солнышком, чем щедрее напоена весенней влагой, тем богаче ожидаемый урожай. В поэзии Некрасова народный заступник и учитель обычно называется «сеятелем знания на ниву народную». В поэме «Саша» в роли такого «сеятеля» выступает культурный дворянин Агарин, а благодатной «почвой» оказывается душа юной героини. Передовые социалистические идеи, с которыми знакомит Агарин Сашу в свой первый приезд, как спелые зерна падают в плодородную почву народной души и обещают в будущем «пышный плод». Что для Агарина было только словом, для Саши будет делом всей её жизни:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

Поэма «Саша» была принята современниками с особым воодушевлением: в самой жизни тех лет уже началось вытеснение

культурных дворян разночинцами, в русскую общественную жизнь уверенно входила новая историческая сила — революционная демократия, о которой В. И. Ленин писал: «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»¹.

Оригинальным поэтом выступил Некрасов и в заключительном, четвертом разделе поэтического сборника 1856 года: по-новому он стал писать и о любви. Предшественники поэта предпочитали изображать это чувство в прекрасных мгновениях. Некрасов, поэтизируя взлеты любви, не обошел вниманием и ту «прозу», которая «в любви неизбежна». В его стихах рядом с любящим героем появился образ независимой героини, подчас своенравной и неуступчивой. А потому и отношения между любящими стали более сложными: духовная близость сменяется размовкой и ссорой, герои часто не понимают друг друга, и это непонимание омрачает их любовь. Такое непонимание вызвано разным воспитанием, разными условиями жизни героев. В стихотворении «Застенчивость» робкий, неуверенный в себе разночинец сталкивается с надменной светской красавицей, в «Маше» супруги не могут понять друг друга, так как получили разное воспитание, имеют разные представления о главном и второстепенном в жизни. В «Гадающей невесте» — горькое предчувствие будущей драмы: наивной девушке нравится в избраннике внешнее изящество манер, модная одежда. А ведь за этим наружным блеском скрывается часто душевная пустота...

Успех поэтического сборника 1856 г. не был случайным: Некрасов заявил о себе как самобытный поэт, прокладывающий новые пути в русской литературе. Главным источником этого успеха явилась глубокая народность некрасовского творчества, связанная с революционно-демократическими убеждениями поэта.

Вопрос о народе и его революционных возможностях встал перед русскими демократами накануне реформы 1861 года. В ходе обсуждения проекта реформы верх взяли русские либералы — дворяне, которые старались сохранить свою власть над крестьянами, удержать землю в собственных руках, а за выделенные крестьянам наделы взять большой выкуп. Убеждаясь в грабительских помыслах дворян, революционеры-демократы надеялись на крестьянскую революцию. История этой общественной борьбы раскрыта Некрасовым в иносказательной форме в стихотворении «Притча».

В 1857 году Некрасов создает поэму «Тишина». Крестьянская Русь предстает в ней в едином образе народа-героя, великого подвижника отечественной истории. В памяти поэта проносятся роковые события Крымской войны и героической обороны Севастополя:

Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.

Не в верхах общества, а в глубинах крестьянской жизни, на провинциальных проселочных дорогах совершается народное единение в непобедимую Русь перед лицом общенациональной опасности. Так в поэме укреплялась вера Некрасова в народные силы, в способность русского крестьянина быть героем национальной истории.

Но когда проснется народ к сознательной революционной борьбе за свои интересы? На этот вопрос нет в «Тишине» определенного ответа. Нет его и в последующих стихотворениях Некрасова от «Размышлений у парадного подъезда» до «Песни Еремушке», ставшей гимном нескольких поколений русской революционной молодежи. В этом стихотворении сталкиваются и спорят между собой две песни: одну поет няня, другую — «проезжий городской». В песне няни торжествует мораль холопская, лакейская. Представления о «счастливой» жизни ограничиваются материальным благополучием, которое приобретается очень легко: умей приспособиться, безропотно и бездумно исполняй волю «старших» чиновников — «и привольная, и праздная жизнь покажется шутя». «Безобразной» морали приспособленчества противопоставлена в «Песне Еремушке» другая мораль, утверждающая «доверенность великую к бескорыстному труду». «Проезжий городской» говорит о счастье жизни осмысленной, освященной высокими идеалами «братства, равенства и свободы» для всех людей. Такая жизнь не сулит человеку ни «праздности», ни богатства, но зато она щедро наделяет его духовными благами, счастьем борьбы за народные интересы:

С этой ненавистью правую,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

На такой высокой, революционной ноте обрывается песня проезжего, пробуждающая безмятежно спящего Еремушку. По какому пути он пойдет? Об этом судить трудно. Стихотворение и открывается, и закрывается песней няни, возвращающей к началу произведения.

Крестьянскую реформу Некрасов воспринял драматически: «Знаю, на место сетей крепостных люди придумали много иных». Первое пореформенное лето он, как обычно, провел на родине, в кругу своих приятелей, ярославских и костромских крестьян.

А осенью поэт вернулся в Петербург с целым «ворохом стихов» — с «Крестьянскими детьми» и поэмой «Коробейники». Его друзей интересовали настроения пореформенной деревни: к чему приведет очевидное недовольство народа грабительской реформой, есть ли надежда на революционный взрыв? Некрасов отвечал, что по его впечатлениям пока революции не будет. И тем не менее он сохранял оптимизм, светлую веру в народные силы, хотя и добавлял при этом: «Жаль только — жить в эту пору прекрасную уж не придется — ни мне, ни тебе».

В стихах «На смерть Шевченко», в поэмах «Несчастные», «Дедушка», «Княгиня М. Н. Волконская» некрасовский герой чаще всего — страдалец, сознательно идущий на жертву:

Иди и гigni безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

«Дело прочно» потому, что русский народ уже прислушивается к своим страдающим заступникам, уже присматривается к их судьбе. Недаром княгиня Волконская произносит в поэме знаменательные слова:

Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...

В «Крестьянских детях» Некрасов воспевает суровую прозу и высокую поэзию крестьянского детства, вечные нравственные ценности, рожденные трудом на земле — то самое «вековое наследство», которое поэт считает основой русской национальной культуры.

В «Коробейниках» Некрасов-поэт выходил на новую дорогу. Всё предшествующее его творчество было адресовано в основном читателю из образованных людей русского общества. В «Коробейниках» он прямо и непосредственно обратился к народу, начиная с необычного посвящения: «Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды Костромской губернии)». Поэт предпринимает и второй беспримерный шаг: на свой счет он печатает поэму в серии «Красные книжки» и распространяет ее в народе с помощью деревенских офень — торговцев мелким товаром.

«Коробейники» — поэма-путешествие. Бродят по сельским просторам старый Тихоныч и молодой его помощник Ванька, мужики-коробейники, деревенские торговцы. Перед их любознательным и оценивающим взором проходят одна за другой пестрые картины русской жизни тревожного предреформенного времени. Сюжет дороги превращает поэму в широкий обзор российской действительности.

Главное достоинство «Коробейников» — неподдельная народность. Не случайно первая глава поэмы стала народной песней — «Коробушкой». Всё, что происходит в поэме, воспринимается

глазами народа, всему дается крестьянский приговор. Главные судьи и критики — не простые мужики, а «бывалые», много повидавшие в страннической жизни и обо всём имеющие свое собственное суждение. Перед нами живые типы «умственных» крестьян, деревенских «философов» и «политиков», заинтересованно обсуждающих современные порядки.

В России, которую судят некрасовские мужики, «всё переверотилось»: старое разрушается, новое поражает противоречиями. Суд над старым и новым, как повелось на Руси, начинается с «верхов», с самого батюшки-царя. Вера в его милости была очень устойчивой у русского крестьянина. Крымская война во многом эту веру развеяла. «Царь дурит — народу горяюшко!» — заявляет Тихоныч, в суждениях которого часто проскальзывают народные предчувствия грядущей национальной катастрофы.

Картину развала крепостнической России продолжают наблюдения коробейников над праздной жизнью господ, проматывающих в Париже народные деньги на дорогие безделушки, а довершает рассказанная Тихонычем история Титушки-ткача. Крепкий, трудолюбивый крестьянин по воле всероссийского крепостнического беззакония и безответственности превратился в «убогого странника», в неприкаянное, бездомное, бессемейное существо. Тягучая и заунывная его песня, похожая на отчаянный вопль, сливается с воем голодных волков, мычанием тощих стад, стоном российских сел и деревень, свистом холодных ветров на скудных полях и лугах. «Песня убогого странника» готовит в поэме трагическую развязку.

Внешняя неустроенность осложняется в поэме внутренними переживаниями коробейников. Тихоныч и Ванька стыдятся своего торгашеского ремесла. Поперек их торгашеского пути встает искренности и чистая любовь невесты Ваньки, Катеринушки, предпочитающей всем щедрым подаркам коробейников «бирюзовый перстенок» — символ святой девической любви. В трудовых крестьянских заботах с утра до поздней ноченьки топит Катеринушка свою тоску по суженому. Вся пятая часть поэмы, воспевающая самозабвенный крестьянский труд на земле и самоотверженную любовь, — упрек торгашескому занятию коробейников, которое уводит их из родимого села на чужую сторону, отрывает от трудовой жизни и народной нравственности.

В глухом костромском лесу гибнут они от рук лесника. Совершенное им преступление напоминает стихийный бунт отчаявшегося, потерявшего веру в жизнь человека. Примечательно, что в его преступлении нет никакого расчета: деньгами, взятыми у коробейников, бедный лесник совершенно не дорожит. Тем же вечером рассказывает он всему народу о случившемся и покорно отдает себя в руки властей.

Такой финал оставляет у читателя чувство неудовлетворенности. Жаль коробейников, но жаль и несчастного лесника.

Почему Некрасов так завершает свою поэму? Вероятно, потому, что хочет быть верен жизненной правде. Известно, что и перед реформой, и после нее народное недовольство проявлялось в форме стихийных бунтов, «народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу»¹, — говорил В. И. Ленин.

После реформы в России наступили трудные времена. В обстановке спада крестьянского движения некоторая часть революционно-демократической интеллигенции перестала верить в народные силы. В этой обстановке на страницах отдельных журналов стали появляться статьи, в которых народ обвинялся в грубости, тупости и невежестве. И вот народный поэт приступил к работе над новой большой поэмой о народе, исполненной светлой веры и доброй надежды.

Центральным событием поэмы «Мороз, Красный нос» явилась смерть крестьянина, а действие не выходило за пределы одной крестьянской семьи. Но сузив круг действий и событий в своей поэме, Некрасов нисколько не сузил ее общенациональный смысл. Крестьянская семья в поэме — частица всероссийского и даже всеславянского мира: мысль о Дарье переходит в думу о величавой славянке, усопший Прокл подобен русскому крестьянину-богатырю Микуле Селяниновичу. Да и событие, случившееся в крестьянской семье, потерявшей кормильца, как в фокусе собирает не вековые даже, а тысячелетние беды русской женщины-матери, многострадальной славянки. Горе Дарьи — «великое горе вдовицы и матери малых сирот»: в нем повторяется трагедия многих поколений русских женщин — невест, жен и матерей. Событие, на первый взгляд далекое от эпохальных конфликтов, Некрасов поворачивает так, что в частном отсвечивает общее, сквозь крестьянский быт проступает многовековая наша история от «Слова о полку Игореве» до наших дней, от плача Ярославны до причитаний русских крестьянок, потерявших своих мужей в бесчисленных войнах XIX—XX веков.

«Сейчас я прочел Ваш «Мороз». Он пробрал меня до костей, и не холодом — а до глубины души тем теплым чувством, которым пропитано это прекрасное произведение», — писал Некрасову декабрист М. С. Волконский. Почему же поэма, пронизанная трагическими мотивами, не оставляет в душах читателей безнадежного чувства?

Обратим внимание, что в критической ситуации крестьянская семья менее всего думает о себе и менее всего носитя со своим горем. Горе ее выражается в другом — в щемящем чувстве жалости и сострадания к ушедшему человеку вплоть до несбыточного желания воскресить Прокла добрым словом, к нему обращенным:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 140.

Голубчик ты наш сизокрылой!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел.

.....

Сплесни, ненаглядный, руками,
Соколым глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

Точно так же переживает беду овдовевшая Дарья. Не о себе она печется, но, «полная мыслью о муже, зовет его, с ним говорит». Даже в будущем она не мыслит себя одинокой. Мечтая о свадьбе сына Гриши, она предвкушает уже невозможное счастье Прокла, радуется его радостью...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Сколько в этой любви русской крестьянки ласковой жалости по отношению к любимому человеку!

Откроем «Илиаду» Гомера, прочтем в ней известный эпизод, в котором Андромаха оплакивает погибшего мужа Гектора. И мы почувствуем, что она жалеет больше себя, так как плач сводится к перечислению бед, которые ждут ее, вдову и сироту, без заступника. Когда в русском «Слове о полку Игореве» плачет Ярославна, не о себе она думает, не себя жалеет: она жаждет обтереть мужу «кровавые раны на жестоцем его теле». Некрасов в поэме «Мороз, Красный нос» коснулся вечных основ нашей нравственной культуры, неиссякаемого источника выносливости и силы народного духа, оживающего всякий раз в дни общенациональных потрясений.

В рассказе «Смерть» из «Записок охотника» Тургенев неоднократно, как заклинание, повторяет слова: «Удивительно умирают русские люди!» Русский человек мужественно принимает смерть, потому что в предсмертные минуты он забывает о себе и своих страданиях, и все помыслы его устремляются к ближнему, уходят в заботу о других.

В поэме «Мороз, Красный нос» Дарья подвергается двум испытаниям, следующим одно за другим: сначала смертью близкого человека, а потом и своей собственной. Но физическая гибель Дарьи заслоняется в поэме бессмертной силой любви — жалости русской крестьянки. Эта любовь распространяется и на Прокла, и на детей, и на хлебное поле, которое плачет перезревшими зернами — слезами. Дарья как бы и не умирает,

но засыпает и в смертном сне больше себя любит ближних,
счастливый крестьянский труд на вечной ниве, родную природу:

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей.
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Так в обстановке жестокой реакции, когда пошатнулась вера в народ у самих его заступников, Некрасов сохранил уверенность в мужестве, духовной стойкости и нравственной красоте русского крестьянина. Вслед за «Морозом» появилась «Орина, мать солдатская» — стихотворение, прославляющее материнскую и сыновнюю любовь, которая торжествует не только над ужасами николаевской солдатчины, но и над самой смертью. Появился «Зеленый шум» — стихи о весеннем чувстве обновления: возрождается к жизни спавшая зимой природа, и оттаивает заledenевшее в злых помыслах человеческое сердце. Глубоко народная, рожденная крестьянским трудом на земле вера в обновляющую мощь природы, частицей которой является человек, спасала Некрасова и его читателей в трудные годы торжества «барабана, цепей, топора».

Тогда же Некрасов приступил к созданию стихотворений, посвященных русским детям. Обращение к миру детства в эпоху «трудного времени» освежало и ободряло человека, очищало его душу от горьких впечатлений окружающей действительности. Главным достоинством некрасовских стихов для детей явилась опять-таки неподдельная народность: в них торжествует и крестьянский юмор, и сострадательная любовь к малому и слабому, обращенная не только к человеку, но и к природе, и свободолобивый дух народа, нетерпимого к холуйству и чиновничеству. Трудно представить себе русского человека, в детских воспоминаниях которого отсутствует смешливый, лукавый и ласковый дедушка Мазай, неуклюжий генерал-Топтыгин и лебезящий вокруг него смотритель, сердобольный дедушка Яков, отдающий букварь крестьянской девчужке. С этих стихов начинается наша любовь к природе и людям труда, к красоте родной земли, к образной силе русского слова.

К началу 70-х годов в русской общественной жизни вновь повеяло весной: наступала эпоха нового революционного подъема. Чуткий к малейшим общественным переменам, Некрасов сразу же уловил первые признаки нового пробуждения. В 1869 году у него возник замысел поэмы «Дедушка», которая создавалась специально для юного читателя. Некрасов хотел напомнить молодежи

об их дедах, о судьбе первого поколения русских борцов за свободу, дворянских революционеров-декабристов.

События поэмы отнесены к 1856 году, когда, с воцарением Александра II, последовало прощение политических заключенных, и декабристы получили возможность вернуться на родину. Но отнесение времени действия в прошлое в достаточной мере условно. Любому читателю ясно, что речь идет о современности, что ожидания дедушки — «скоро дадут им свободу» — устремлены в будущее и не связаны с крестьянской реформой.

По цензурным причинам Некрасов не мог говорить открыто о том деле, за которое был сослан на каторгу его герой. Рассказ о восстании декабристов звучит приглушенно. Но поэт использовал цензурный барьер в своих художественных целях. Характер дедушки раскрывается перед внуком постепенно, по мере сближения героев и по мере того, как взрослеет Саша. Поэма постоянно озадачивает читателя, заставляет внимательно вслушиваться в речи героя, зорко всматриваться в его внешний и внутренний облик, в его действия и поступки. Шаг за шагом мы приближаемся к пониманию народолюбивых идеалов дедушки, к ощущению духовной красоты и благородства этого человека.

Идея, которой герой-декабрист посвятил свою жизнь, настолько высока, настолько свята, что служение ей делает неуместными жалобы на свою личную судьбу. Именно так следует понимать слова дедушки: «...я со всем примирился, что потерпел на веку!..» Борьба за народную свободу превыше всяких личных обид, и революционер готов на любые страдания, вплоть до самопожертвования, если оно будет необходимо.

Центральную роль в поэме играет рассказ дедушки о переселенцах-крестьянах в сибирском посаде Тарбагатай, о предприимчивости крестьянского мира, о творческом характере народного, общинного самоуправления. Как только власти оставили народ в покое, как только дали они мужикам «землю и волю», — артель вольных хлебопашцев превратилась в общество свободного и дружного труда, достигла материального изобилия и духовного здоровья. Поэт окружил свой рассказ о Тарбагатае мотивами крестьянских легенд о вольных землях, где «живет человек в довольстве и справедливости». Некрасов был убежден, что социалистические надежды и чаяния живут в душе каждого бедного мужика.

Замысел декабристской темы у Некрасова рос и развивался. Следующим этапом явилось обращение поэта к подвигу жен декабристов, отправившихся вслед за своими мужьями на каторгу в далекую Сибирь. В поэмах «Княгиня Трубецкая» и «Княгиня М. Н. Волконская» поэт продолжает свои раздумья о характере русской женщины, начатые в поэмах «Коробейники» и «Мороз, Красный нос». Но если там воспевалась женщина-крестьянка, то здесь отдавалась дань благодарной любви и восхищения лучшим женщинам из дворянского круга.

В основе сюжета двух этих поэм — любимая Некрасовым тема дороги. Характеры героинь мужают и крепнут в ходе встреч и знакомств, сближений и столкновений с разными людьми по пути в Сибирь. Напряженного драматизма полон мужественный поединок княгини Трубецкой с Иркутским губернатором. В дороге изменяется представление княгини Волконской о деятельности ее мужа. В начале пути ее зовет на подвиг супружеский долг. Но встречи с народом, знакомство с жизнью российской провинции, разговоры с простыми людьми о муже и его друзьях приводят княгиню к постепенному прозрению: она начинает осознавать смысл того дела, за которое пострадал ее муж.

Поэмы Некрасова о декабристах вдохновляли революционную молодежь на борьбу за народную свободу. Почетный академик и поэт, известный революционер-народник Н. А. Морозов утверждал, что «повальное движение того времени учащейся молодежи в народ возникло не под влиянием западного социализма, а что главным рычагом его была народническая поэзия Некрасова, которой все зачитывались в переходном юношеском возрасте, дающем наиболее сильные впечатления»¹.

✓ ПС 1865 года и до конца своих дней Некрасов работал над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», которая подводила итог всему творчеству поэта и еще раз открывала перед читателями русский народ в дороге, в сложных путях его духовного роста и становления. Поэт не сглаживал острых углов, не скрывал драматизма народных судеб. По-прежнему пестрой, горластой, разноголосой оставалась любимая им крестьянская Русь, «генеральный смотр» которой совершают в поэме семь мужичков-правдоискателей. Но в отличие от предшествующих произведений поэта здесь более уверенно и бодро зазвучали оптимистические ноты:

Рать поднимается
Неисчислимая.
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

В неизведанное будущее уводила Некрасова народная дорога. И чем дальше уходил он по ней, тем светлее становилось небо, тем шире оказывался путь. И вот в сборнике «Последние песни» «свободной, гордой и счастливой» увидел свою родину любящий ее поэт. А после Великой Октябрьской социалистической революции А. В. Луначарский сказал о нашем народном поэте высокие слова: «Не принимая ни на минуту ни великих алтарей Пушкина и Лермонтова, ни более скромных, но прекрасных памятников Алексея Толстого, Тютчева, Фета и других, мы все же говорим: нет в русской литературе, во всей литературе нашей такого человека, перед которым мы с любовью и благоговением склонялись бы ниже, чем перед памятью Некрасова»².

Ю. В. Лебедев

¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1965, т. 1, с. 352.

² Луначарский А. В. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1963, т. 1, с. 219.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В ГИМНАЗИИ

Мы, товарищи, очень любили Николая за его характер и особенно за его замечательные рассказы: все, бывало, рассказывает он нам эпизоды из деревенской жизни... Наружность Некрасова помню до сих пор хорошо; — как живой, стоит он передо мной: коренастый, небольшого роста, красивый по наружности, стриженный, в своем форменном однобортном со светлыми пуговицами и красным воротником сюртуке.

М. Н. Горшков. *«Гимназические годы» в записи П. И. МИЗИНОВА*

В ПЕТЕРБУРГЕ

Петербург — город великолепный и обширный! Как полюбил я тебя, когда в первый раз увидел твои огромные дома, в которых, казалось мне, могло жить только счастье... «Здесь, — думал я, — настоящая жизнь, здесь и нигде более счастье!» и как ребенок радовался, что я в Петербурге. Но прошло несколько лет...

Я узнал, что у великолепных и огромных домов, в которых замечал я прежде только бархат и золото, дорогие изваяния и картины, есть чердаки и подвалы, где воздух сыр и зловреден, где душно и темно и где на голых досках, на полусгнившей соломе в грязи, стуже и голоде влачатся нищета, несчастье и преступление. Узнал, что есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и подвалах, потому что есть счастливы, которым тесны целые дома...

Н. А. Некрасов. *«Жизнь и похождения Тихона Тростникова». 1843*

Я сблизился с Белинским. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около 1844 года стихотворение «Родина», написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение слов и мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать.

Сию дома, работаю. Прибегают от Белинского. Иду туда. Впервые встречаю Тургенева. Читаю ему «Родину». Он в восторге: «Я много писал стихов, но так писать не могу, — сказал Тургенев, — мне нравятся и мысли и стих».

Н. А. Некрасов. *Автобиографические записи*

Некрасов... благоговел перед Белинским и, кажется, всех больше любил его во всю свою жизнь. Тогда еще Некрасов ничего не написал такого размера, как удалось ему вскоре через год потом... О знакомстве его с Белинским я мало знаю, но Белинский его угадал с самого начала и, может быть, сильно повлиял на настроение его поэзии. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лет их, между ними, наверно, уж и тогда бывали такие минуты, и уже сказаны были такие слова, которые влияют навек и связывают неразрывно...

Ф. М. Достоевский. *«Дневник писателя», 1877, январь*

«Современник», основанный А. С. Пушкиным, а впоследствии с высочайшего соизволения перешедший в распоряжение П. А. Плетнева, с 1847 года подвергается совершенному преобразованию. Редакция «Современника», с разрешения господина министра народного просвещения, переходит к профессору С.-Петербургского университета, А. В. Никитенко.

Издание же сего журнала, по взаимному согласию и условию с прежним издателем и редактором, приняли на себя И. И. Панаев и Н. А. Некрасов...

...Редакция, не давая никаких пышных обещаний, употребит все зависящие от нее меры, чтобы он <журнал> оправдывал свое заглавие и представлял верную и, по возможности, полную картину современного состояния науки, искусства и литературы как отечественной, так и европейской. Все, могущее интересовать публику и соответствующее программе, направлению и достоинству журнала, будет постоянно иметь место на страницах «Современника». Главная заботливость редакции обращена будет на то, чтобы журнал наполнялся произведениями преимущественно русских ученых и литераторов, произведениями, достоинством и направлением своим вполне соответствующими успехам и потребностям современного образования...

*Объявление журнала «Современник»
на 1847 год*

Денежные заботы, необходимость много работать, вся, так сказать, черновая работа по журналу: чтение и исправление рукописей, а также и добывание их, чтение корректур, объяснение с цензурой, восстановление смысла и связи в статьях (что приходилось иногда делать с одной статьей по несколько раз — лежала на мне) после их карандашей лежали на мне, да я еще писал рецензии и фельетоны — все это, а также следовавшие с февраля 1848 года цензурные гонения, сопровождавшиеся крайней шаткостью почвы под ногами каждого причастного тогда к литературе, — довело мое здоровье до такого расстройства, что Белинский часто говаривал, что я не многим лучше его.

*Н. А. Некрасов. Наброски письма
М. Е. Салтыкову, 1869 г.*

Я убежден, что опытный и добросовестный редактор — в особенности в России — по своему положению постоянного посредника между сочинителями и читателями всегда может вперед определить успех сочинения и мнения о нем публики. Поэтому я с нетерпением ожидаю Вашего приговора. Он или поощрит меня к продолжению любимых занятий или заставит сжечь все начатое.

Л. Н. Толстой — Н. А. Некрасову, 3 июля 1852 г.

Милостивый государь!

Я прочел Вашу рукопись («Детство»). Она имеет в себе настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолжения, не могу сказать решительно, но мне кажется, что в авторе ее есть талант. Во всяком случае направление автора, простота и действительность содержания составляют неотъемлемые достоинства этого произведения. Если в дальнейших частях (как и следует ожидать) будет поболее живости и движения, то это будет хороший роман...

Еще я посоветовал бы Вам не прикрываться буквами¹, а начать печататься прямо с своей фамилией, если только Вы не случайный гость в литературе...

Н. А. Некрасов — Л. Н. Толстой
у, *середина августа 1852 г., в станицу
Старогладковскую*

...Вполне одобряю твое намерение написать свою биографию; твоя жизнь именно из тех, которые, отложив всякое самолюбие в сторону, должны быть рассказаны — потому что представляют много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется. Благодарю заранее за посвящение мне, но надеюсь, что публика не скоро об этом узнает...

И. С. Тургенев — Н. А. Некрасову, *10 июля 1855 г.*

В тот день, когда было обнародовано <5 марта 1861 года> решение дела <освобождение крестьян>, я захожу утром в спальню Некрасова. Он, по обыкновению, пил чай в постели... Он лежит на подушке головой, забыв о чае, который стоит на столике подле него. Рука лежит вдоль тела. В правой руке тот печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского дела. На лице выражение печали. Глаза потуплены в грудь. При моем входе он встrepенулся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил: «Так вот что такое эта воля. Вот что такое она!» Он продолжал говорить в таком тоне минуты две. Когда он остановился перевести дух, я сказал: «А вы чего же ждали? Давно было известно, что будет именно это». — «Нет, этого я не ожидал», — отвечал он, и стал говорить, что, разумеется, ничего особенного он не ждал, но такое решение дела далеко превзошло его предположение...

Н. Г. Чернышевский. *Заметки при
чтении посмертного издания «Стихо-
творений Н. А. Некрасова»*

Вы, читатель, вероятно, ожидаете, что я поведу с Вами речь о том, о чем трезвонят, поют, говорят теперь все журналисты и газеты, т. е. о даровании крестьянам свободы. Напрасно. Вы ошибаетесь в Ваших ожиданиях. Мне даже обидно, что Вы так обо мне думаете...

«Современник». «Внутреннее обозре-
ние» № 3, 1861 г.

«Современник» возвращается к делу с решимостью и полной надеждой сохранить в журналистике положение самостоятельное и независимое. Само собой разумеется, что он совершенно отказался бы от деятельности, если б ему предстояло осудить себя на бесхарактерную деятельность и безличное существование.

Издатель и редактор Н. А. Некрасов
(*Концовка объявления об издании
«Современника» с февраля 1863 года
после восьмимесячной приостановки
журнала*).

¹ Повесть «Детство» и другие первые свои произведения Л. Н. Толстой подписывал инициалами, сперва: «Л. Н.», а затем: «Л. Н. Т.»

Я постоянно удивлялся чуткости и восприимчивости Некрасова, его поразительной способности и умению сразу схватывать всякий предмет, всякую мысль, так сказать, ловить их на лету. Во время этих рассуждений и споров <на редакционных обедах, являвшихся и редакционными совещаниями> Некрасов, бывало, молчит; но вот кто-нибудь вскользь выскажет дельное замечание или новую, оригинальную мысль, и Некрасов даже подскочит на своем кресле, подхватит эту мысль, дополнит и разовьет ее с таким искусством, что приведет в изумление самого автора мысли.

М. А. Антонович. *«Из воспоминаний о Николае Алексеевиче Некрасове»*

Надо сказать, что Н. А. Некрасов ко всему, что носило печать таланта, относился не только внимательно, но и трогательно. Особенно если молодой писатель был беден, а кто же из нас тогда был богат? Он для таких являлся не издателем, а, скорее, товарищем, собратом, если хотите, опекуном.

Вас. И. Немирович-Данченко. *«Мои встречи с Некрасовым»*

Некрасов — мой благодетель. Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал. Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее; но все мои заслуги перед нею — его заслуги. Сравнительно с тем, что ему я обязан честью быть предметом любви многочисленной и лучшей части образованного русского общества; маловажно то, что он делился со мною последней сотней рублей (он долго был беден, а «Современник» не имел денег)...

Н. Г. Чернышевский—К. Т. Солдатенкову. 26 декабря 1888 г.

Обзаведшись двумя надежными соредакторами, Некрасов не только не уменьшил и не ослабил своих редакторских работ и забот, но с большим увлечением весь отдался ведению журнала. Вместе с Добролюбовым они [Некрасов и Чернышевский] составляли программы книжек, придумывали темы для статей, разрабатывали разные журнальные проекты, комбинации и планы литературных нападений или отражения враждебных нападений.

М. А. Антонович. *«Из воспоминаний о Н. А. Некрасове»*

Любовь к отечеству заключается прежде всего в глубоком, страстном и небесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достойные и самую жизнь; в горячем сочувствии ко всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию...

Н. А. Некрасов. *«Заметки о журналах за сентябрь 1855 года»*

...Всякая деятельность, отмеченная стремлением к добру и правде, любовью к отечеству, к его благоденствию, славе и просвещению, не будет забыта. Сегодняшний день лучше вчерашнего, завтрашний будет лучше сегодняшнего, и таким образом время делает свое дело. «Бодрей же в путь!» Правдивое при-

знание заслуг, честь и благодарность ожидают всякого совестливого труженика мысли. Но горе и стыд тем, кто приносит истину в жертву корысти и самолюбия! Для них нет впереди света, не греет и не животворит их надежда лучшего будущего, это лучшее — час их обличения и позора! Стыд всем сплетничающим, клеветущим, барышничавшим, обращающим благородное оружие литератора — мысль и слово — в орудие личных своих интересов и страстей.

Н. А. Некрасов. *«Заметки о журналах за сентябрь 1855 года»*

Важно только одно: любить народ, родину, служить им и сердцем и душою. Работайте, учитесь и учите других. . .

Слова Н. А. Некрасова по воспоминаниям Д. П. Сильчевского

Покуда достаёт любви, не страшны тернии, и память о них живет не долее жесткого слова, сказанного любимым существом, и не труднее прощается... но опять-таки: покуда достаёт любви... И пусть же родник ее струится неиссякаемо в сердцах русских писателей, русских журналистов, понимающих свое призвание! С нею много доброго, много прекрасного сделает русская литература, много уже сделавшая, издавна игравшая и играющая такую важную роль в развитии нашего отечества, которое дорого каждому русскому и еще дороже должно быть каждому литератору, по самой сущности его цели, чуждой материального результата: только успехи отечества на поприще просвещения могут обеспечивать его личный успех, состоящий в стремлении оставить о себе память честного и полезного деятеля, на могилу которого, по неизменному закону провидения (благословенный закон!), непременно, рано или поздно, упадет один из лучей той славы, в блеске которой желает он и самоотверженно стремиться видеть свое отечество!

Н. А. Некрасов. *«Заметки о журналах за февраль 1856 года»*

Н. А. НЕКРАСОВ О ЛИТЕРАТУРЕ

...Писать звучные стихи без идеи и содержания не значит еще быть поэтом... люди с истинным призванием к поэзии смотрят на свой талант, как на дело святое и великое, как на достояние всего человечества... Содержание поэзии истинного поэта должно обнимать собою все вопросы науки и жизни, какие представляет современность... поэт настоящей эпохи в то же время должен быть человеком глубоко сочувствующим современности... действительность должна быть почвою его поэзии...

Н. А. Некрасов. *«Жизнь и похождения Тихона Тростникова». 1843*

Сравнение — поэзия, картина — поэзия, событие может быть поэтично, природа — поэзия, чувство — поэзия, а мысль — всегда проза, как плод анализа, изучения, холодного размышления, — но следует ли из этого, что поэзия должна обходиться без мысли? дело в том, что эта мысль-проза в то же время — сила, жизнь, без которых, собственно, и нет истинной поэзии.

И вот из гармонического сочетания этой мысли-прозы с поэзией и выходит настоящая поэзия, способная удовлетворить взрослого человека, и — в этом задача поэта.

Н. А. Некрасов. *Заметка о мысли в поэзии, карандашная запись на полях белой рукописи стихотворения «Уныние».*

О ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА

Ваши стихотворения... получены здесь с неделю назад, — через два дня не оставалось в книжных лавках ни одного экземпляра из 500, присланных в первом транспорте...

Сочувствие публики к Вам очень сильное, — сильнее, нежели предполагал даже я, упрекаемый Вами в пристрастии к Вашим стихотворениям. Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли «Ревизор» или «Мертвые души» имели такой успех, как Ваша книга.

Н. Г. Чернышевский — Н. А. Некрасову. 5 ноября 1856

Воры и укрыватели воров большой руки подняли крик, начали жаловаться государю.. на книжку стихотворений, где ничего нет, кроме участия к бедности и ненависти к притеснениям. Аристократическая сволочь нашла в книжке какие-то революционные возгласы, чуть не призыв к оружию. Русское правительство, извольте видеть, боится стихов:

Иди в огонь за честь отчины,
За убеждения, за любовь,
Иди и гибни безупречно —
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Это сочили чуть не адской машиной и снова дали волю цензурной орде с ее баскаками.

А. И. Герцен. «Из Петербурга»
(«Колокол» 1857 г.)

Некрасова, как поэта, я уважаю за его горячее сочувствие к страданиям простого человека, за честное слово, которое он всегда готов замолвить за бедняка и угнетенного. Кто способен написать стихотворения: «Филантроп», «Эпилóg к ненаписанной поэме», «Еду ли ночью по улице темной», «Саша», «Живя согласно с строгою моралью», — тот может быть уверен в том, что его знает и любит живая Россия.

Д. И. Писарев. «Писемский, Тургенев и Гончаров».

Перед Сашей, расцветшей умственно и нравственно, раскрывается истинный лик Агарина — пустого болтуна, который «по свету рыщет, дела себе исполнского ищет», и, бросая красивые слова, только ими и ограничивается и в

реальную жизнь не вносит решительно ничего. Саша видит, что у ее героя *слово расходится с делом*; разочарованная, она отходит от человека, который пробудил ее ум и казался ей идеалом.

В. Н. Фигнер. *«Запечатленный труд»*

...Н. А. [Некрасов] много думал над этим произведением [«Кому на Руси жить хорошо?»] надеясь создать в нем «народную книгу» т. е. книгу понятную народу и правдивую. В эту книгу должен был войти весь опыт, данный Н. А. Изучением народа, все сведения о нем, накопленные, по собственным словам Н. А., *по словечку* в течение 20 лет.

Г. И. Успенский. *Письмо в редакцию журнала «Пчела»*

...Он [Некрасов] велик потому, что поэтическая дума его была неразлучна с народной думой, что скорбь его неотделима от великой народной скорби, переполнившей русскую землю, что он верил в великие силы, бродившие в темной массе народной, и только от пробуждения народного ждал поворота к новой, лучшей доле.

Из статьи «Н. А. Некрасов» (к 35-летию со дня смерти).

КОММЕНТАРИИ

Тексты произведений Н. А. Некрасова печатаются по изданию: Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем. В 15-ти т. Л., «Наука», 1981—1985, т. 1—10. Художественные произведения.

В ДОРОГЕ (с. 7)

Впервые опубликовано в «Петербургском сборнике», изданном Н. Некрасовым. СПб., 1846.

С этого стихотворения началось литературное признание Некрасова. Когда поэт прочел «В дороге» своим друзьям, «у Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный». — Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1950, с. 249.

С. 7. *Варган* — народный музыкальный инструмент. В контексте этого стихотворения слова «на варгане играть» означают: играть на каком-либо музыкальном инструменте.

Вальяжный — красивый, величественный.

С. 8. «*Перебрал по ревизии души...*» — проверил списки своих крепостных.

Тягло — трудоспособная крестьянская семья, была обязана работать на барщине или платить денежный оброк.

Коты — женские полусапожки.

СОВРЕМЕННАЯ ОДА (с. 9)

Впервые опубликована в «Отечественных записках», 1845, № 4.

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК (с. 10)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1847, № 3.

Ознакомившись с «Нравственным человеком» в рукописи, Белинский сообщил Тургеневу: «Некрасов написал недавно страшно хорошее стихотворение. <...> Что за талант у этого человека! и что за топор его талант!» — Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. XII, с. 336. Под словом «топор» Белинский имел в виду обличительную силу этого произведения.

НА УЛИЦЕ (с. 11)

Впервые опубликовано в издании: Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1856.

ВОР (с. 11)

Этот эпизод встречается впервые в одной из глав романа Некрасова «Три страны света» (1848—1849).

С. 11. *Званный пир* — обед или ужин со специально приглашенными гостями.

Городовой — нижний чин городской полиции в дореволюционной России.

Подчасок — помощник чаевого на посту.

Квартал — отделение городской полиции в России до 1862 года.

Наследственное — здесь: имение, полученное по наследству. В концовке стихотворения Некрасов обличает господ, равнодушно вззирающих на происхождение, и одновременно с помощью такого «равнодушного» взгляда углубляет происходящую драму.

ПРОВОДЫ (с. 11)

Речь идет о проводах крестьянина Ванюхи в солдаты. Срок службы в те годы продолжался до 25 лет. Поэтому провода новобранца были одним из самых драматических событий в жизни крестьянской семьи.

С. 11. Дровнишки — крестьянские сани для перевозки дров или каких-либо товаров.

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ (с. 11)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1855, № 1.

В середине XIX века в общественной жизни России всё более заметную, а потом и решающую роль стали играть не культурные дворяне, как это было на первом, декабристском этапе освободительного движения, а так называемые «разночинцы» — выходцы из средних слоев населения: из сельского духовенства, обеспеченного крестьянства, чиновничества, городского мещанства. В стихотворении «Застенчивость» Некрасов тонко передает психологию этих людей. Герой стихотворения — умный, образованный, способный человек. Но в дворянском кругу, в высшем свете, он чувствует себя неловко, его угнетает отсутствие изысканных светских манер, умения держать себя в обществе. Неуверенность в себе была свойственна в молодости и Некрасову, собственными усилиями пробивавшему себе дорогу в жизнь. Болезненно ощущал свое неумение «держаться в обществе» и Чернышевский.

Но стихотворение «Застенчивость» имеет и более широкий, общечеловеческий смысл: такая робость в какой-то мере свойственна неуверенному в себе молодому человеку, только еще вступающему в жизнь.

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК

ГРАФА ГАРАНСКОГО (с. 13)

Впервые опубликовано в издании: Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1856. Печатаются с сокращениями.

Значительная часть богатых русских дворян с детских лет проживала за границей на те доходы, которые управляющие имениями пересылали своим хозяевам. Многие из таких дворян оставались «русскими» лишь по рождению, а по духу своему оказывались иностранцами. Все они считали нормальным паразитическое существование за счет труда подневольных крестьян.

Взгляд на деревенскую Русь глазами такого «русского» иностранца позволяет Некрасову сатирически обнажить пороки крепостничества и одно-

временно зло высмеять тунеядца-путешественника. В стихах воспроизводится неуклюжий, нерусский слог графа Гаранского: «средство странствовать и по России есть», «способствует к труду всегдашней их охоте» и т. п.

С. 13. *«Не такова ли цель — в немецких сертуках...»* — речь идет об управляющих имениями, которые чаще всего назначались из немцев. Управляющие были фактическими хозяевами в имениях. Они следили за качеством исполнения барщинных работ и нередко прибегали к телесным наказаниям крестьян.

С. 14. *выя* — устаревшее, высокопарное название шен.

«...подьячим не дал штрафа...» — *подьячие* — мелкие чиновники, занимавшиеся перепиской канцелярских бумаг, в том числе и так называемых «подорожных» — грамот на право въезда в тот или иной город и выезда из него. Слово *штраф* здесь употребляется в значении: не наказал.

«...с русским титулом графа!..» — *Титул* — устаревшее название титула — почетного звания, которое давалось знатным, родовитым дворянам.

С. 15. *«С балкона наблюдая, Спросил: довольны ли?.. Кричат: «Довольны всем!»* — сравните распоряжения Городничего в гоголевском «Ревизоре»: «Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия...» (действие I, явление 5).

«Чего же медлишь ты, сатиры грозный бич?.. <...> Жаль, дремлет русский ум...» — отсутствие русской сатиры граф Гаранский объясняет леностью литераторов, тогда как в действительности сатире не давала ходу русская цензура, верная служанка самодержавия.

В ДЕРЕВНЕ (с. 15)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1854, № 11.

Стихотворение было опубликовано за несколько месяцев до смерти Николая I. Но когда оно вышло в свет в 1856 году, некоторые читатели и критики увидели в нем отклик на смерть Николая I и на события Крымской войны. «Расшатанная избенка» воспринималась как условное изображение разоренной войной России. Такие вольные толкования раздражали Некрасова, так как они вызывали цензурные гонения, которым и без того подвергались его стихи.

В действительности поэт воссоздал здесь живую картину деревенского быта. Высокой поэтичностью плача «старушки-крестьянки об умершем сыне» восхищался Тургенев в письме к С. Т. Аксакову от 31 мая 1854 года. Некрасов впервые использовал здесь народные причитания.

С. 15. *Приход* — здесь: церковь с принадлежащими ей строениями.

С. 16. *Овин* — строение для сушки снопов перед обмолотом зерна.

С. 17. *Тенёты...* — вязанное из ниток полотнище.

Ходить по миру — просить милостыню по деревням, жить за счет подаяний.

Раут — торжественный званый вечер, прием.

Впервые опубликовано в «Современнике», 1854, № 7.

Стихотворение написано в начале Крымской войны. 14 июня англо-французская эскадра появилась вблизи Кронштадта, угрожая Петербургу. Некрасов вместе с Тургеневым и другими друзьями ездил к морю и наблюдал за вражескими кораблями. Поэт воспринял начавшуюся войну как роковое испытание, выпавшее на долю России. Отсюда — торжественный тон стихотворения, передающий грандиозный размах совершающихся событий.

С. 17. *«Обращены в позорище вражды...»* — Здесь слово *позорище* употреблено в значении: зрелище, арена.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ (с. 18)

Впервые эта поэма была опубликована революционером-демократом А. И. Герценом в лондонском издании «Полярная звезда» (1859, кн. V).

Некрасов познакомился с Белинским и сдружился с ним в начале 1840-х годов, в период страстного увлечения критика социалистическими идеями равенства, братства и свободы всех людей. «Я теперь в новой крайности, — писал тогда Белинский одному из друзей, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания... Не будет богатых, не будет бедных, ни царей, ни подданных, но будут братья, будут люди... И это делается через социальность». — Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1982, т. 9, с. 479—484.

Талантливый пропагандист новых социалистических идей, Белинский оказал на молодого Некрасова очень сильное влияние. Не случайно до конца дней поэт называл великого критика своим учителем.

Белинский скончался в 1848 году, когда напуганное революционными событиями в Париже правительство Николая I начало жестокую расправу с передовыми мыслителями, писателями, журналистами: сослан в Вятку Салтыков-Щедрин, арестованы члены кружка Петрашевского (в их числе Достоевский) и сосланы в Сибирь. Лишь смерть спасла Белинского от неминуемой расправы. Но в течение длительного времени его имя нельзя было упоминать в печати.

В феврале 1855 года скончался Николай I. В стране начинался подъем общественного движения, ожидали ослабления цензурного гнета. У Некрасова появилась надежда на публикацию поэмы, посвященной Белинскому, которую он написал в 1855 году. Однако ожидания поэта оказались преждевременными. При жизни Некрасова поэма не могла появиться в русской печати.

С. 18. *«Родился он почти плебеем...»* — плебеем дворянство пренебрежительно называло человека недворянского происхождения, выходца из низших сословий (см. комментарий к стихотворению «Застенчивость»).

С. 19. *«...Он только пить любил да палкой К ученью сына поощрял.»* — по свидетельству самого Белинского: «Отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно — вечная ему память!» — Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М. 1956, т. XI, с. 512.

«С кончиной лекаря, на свете Остался он убог и мал...» — историческая неточность: когда умер отец, Белинскому было 25 лет. Но возможно, что Некрасов

употребляет слово «мал» в переносном значении: остался без положения, без связей, без чинов.

«...Но выгнан был, не доказав Каких-то о рождение прав...» — Белинского отчислили из университета в 1832 году за политическую неблагонамеренность. Доказывать права о рождение ему пришлось позднее. В царской России судьба человека во многом определялась его происхождением: лица высших сословий — дворяне получали по наследству имения и крепостных крестьян, участвовали в управлении государством, имели другие привилегии, что было недоступно для низших сословий — мещан, купцов, крестьян, духовенства. Поэтому официальные документы о рождении человека, о его родословной играли огромную роль, а начальство относилось к ним с особой придирчивостью.

«Один ученый человек...» — историк М. П. Погодин в 1846 году писал: «Белинский не имеет никакого образования. Это гений-самоучка, которые у нас растут как грибы ежегодно между студентами, не оканчивающими курса». — «Москвитин», 1846, № 5.

«...Пришла охота прожектеру, Который барышей желал, Обширный основать журнал...» — прожектер — человек, увлекающийся составлением несбыточных планов, проектов. Некрасов имеет в виду издателя, журналиста А. А. Краевского, который с 1839 года стал редактировать журнал «Отечественные записки». Краевский действительно нещадно эксплуатировал своих сотрудников.

С. 20. «...Лишь два задорных поляка...» — Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский. Ф. В. Булгарин, русский журналист и второстепенный писатель, издавал совместно с Н. И. Гречем реакционную верноподданническую газету «Северная пчела» и журнал «Сын отечества». Был ярким противником критического изображения жизни в литературе, отрицал значение творчества Гоголя и его последователей. Писал тайные доносы на передовых русских литераторов. О. И. Сенковский, русский журналист, редактор журнала «Библиотека для чтения», автор фельетонов и статей, в которых, подобно Булгарину, он отрицательно относился к творчеству Гоголя и к реалистическому направлению в литературе.

«Уж новый гений подымал...» — имеется в виду Н. В. Гоголь.

«...Кружок еще несмелый, тесный...» — кружок писателей-реалистов, душою которого был В. Г. Белинский. В кружок входили Некрасов, Тургенев и другие русские писатели, сторонники критического направления в литературе.

«...И прокричал врагом отчизны Его — отчизны ложный друг.» — вероятно, Ф. В. Булгарин. Некрасов намекает на его темное прошлое, связанное с участием в войне 1812 года против России в рядах наполеоновской армии.

С. 21. «Но поднялась тогда тревога В Париже буйном...» — Февральская революция 1848 года во Франции и провозглашение республики.

«...и у нас По-своему отзывалась...» — подразумевается начавшаяся после революционных событий во Франции реакция, получившая название «мрачного семилетия» — с 1848 года вплоть до смерти Николая I в 1855 году.

«...И разбирать литературу Созвали целый комитет.» — 2 апреля 1848 года по указанию Николая I был создан негласный комитет для надзора за действиями цензуры и направлением русской литературы.

«Фанатик' ярый Бутурлин...» — один из вариантов этой строки: «Палач науки Бутурлин». Д. П. Бутурлин — военный историк, реакционер, был назначен

председателем упомянутого выше секретного комитета, получившего наименование «Бутурлинского».

«Закройте университеты...» — Бутурлин и другие члены секретного комитета рекомендовали правительству принимать в университеты только юношей из обеспеченного дворянства. Некоторые государственные чиновники считали необходимым полное закрытие университетов. Эти чиновники видели в передовой науке врага самодержавия.

«...том истории твоей...» — имеется в виду «Военная история походов россиян в XVIII столетии, сочиненная Д. П. Бутурлиным на французском языке и переведенная на русский А. Хатовым и А. Корниловичем» (СПб., 1819—1823, ч. 1—4.).

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА (с. 22)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1855, № 1.

В стихотворении ощутимы народные, песенные мотивы. Сам образ «несжатой полосы» навеян Некрасову зачином известной народной песни «Полоса ль моя, да полосонька, Полоса ль моя, да не паханая». В стихотворении отразились тяжелые переживания поэта, связанные с болезнью. Впоследствии Некрасов неоднократно писал о себе как о пахаре или сеятеле, собирающем «колос с своей несжатой полосы» (стихотворение «Сон», 1877).

С. 22. Станица — Некрасов разъяснял: «Я... употребил слово «станция» потому, что с детства слышал его в народе — «птицы летают станицами», «Воробьев станичка перелетела» и т. п. Слова: группа, партия, даже стая <...> кроме своей прозаичности были бы менее точны, лишив выражение того оттенка, который характеризует птицу перелетную, <...> располагающуюся время от времени с т а н о м на удобных местах для отдыха и корма». — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 11, с. 313.

МАША (с. 23)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1855, № 3.

Столкновение между героями стихотворения — результат разного понимания смысла человеческого существования. Для Маши он заключается в дорогой и модной одежде, праздном препровождении времени. А муж ее — человек «новой породы», «бледнолицый труженик», презиравший взяточников и казнокрадов. Он разночинец (см. комментарии к стихотворению «Застенчивость»), его духовный мир сформировался, вероятно, под влиянием статей Белинского.

«Маша дурно воспитана, — писал Чернышевский, комментируя эти стихи. — Пока не изменится характер воспитания, т. е. пока не создадутся другие социальные отношения, ничего порядочного нельзя ожидать». — «Современник», 1856, № 2, с. 323.

С. 24. «Под рукою казенный сундук...» — имеется в виду государственная казна, которой пользовались в личных целях чиновники-бюрократы старого времени.

«Изученьем опасных наук...» — «опасными» науками считались учения французских и русских социалистов.

«...безгрешные ... доходы...» — так чиновники называли взятки. С их точки зрения человек, ведущий честную трудовую жизнь, был «либералом», т. е. вольнодумцем.

ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ (с. 24)

Впервые опубликовано в издании: Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1856.

С. 25. «...кровных лошадей...» — здесь в значении «породистых лошадей».

СЕКРЕТ (с. 25)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1856, № 8

Сюжет стихотворения определился еще в 1844 году. В очерке «Черты из характеристики петербургского народонаселения» Некрасов писал: «Зато в Петербурге и вообще в России несравненно более, чем где бы то ни было, купцов-капиталистов, возникающих неожиданно-негаданно из людей беднейшего и, большею частью, низкого класса. <...> Без сведений, без образованности, часто даже без познания начальной грамоты и счисления, приходит иной русский мужичок в лаптях, с котомкою за плечами... в Питер попытать счастья. В течение многих лет исправляет он самые тяжелые, черные работы, бегаёт на посылках у первого встречного, за всё берется, везде услуживает, замечает, соображает, смекает, и — глядишь — через двадцать — тридцать лет делается первостатейным купцом, заводит фабрики, ворочает миллионами». — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 5, с. 481.

С. 25. «И с юфтью просторный лабаз...» — юфть — сорт кожи. лабаз — здесь в значении торговой лавки, склада.

С. 26. «...Имею и Анну с короною...» — эти слова в дореволюционных изданиях заменялись точками: цензура не допускала, чтобы крупным орденом был награжден негодяй.

«...и звание «друга сирот»...» — такое звание давалось человеку, занимавшемуся благотворительной деятельностью — денежной помощью сиротским домам и приютам.

Шорник — мастер, специалист по изготовлению ременной упряжи и хомутов.

«ПРАЗДНИК ЖИЗНИ — МОЛОДОСТИ ГОДЫ...» (с. 27)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1856, № 8.

Стихотворение направлено против тех, кто чуждался в поэзии темных сторон жизни, считал гражданскую поэзию Некрасова вымученной, а самого поэта не свободным в выборе тем для поэтического творчества. Повторяя их упреки — «Нет в тебе поэзии свободной...», — Некрасов отстаивает жизненную необходимость гражданских стихов, исполненных любви к народу и ненависти к его угнетателям: «Но кипит в тебе живая кровь...»

По поводу слов: «Нет в тебе поэзии свободной, Мой суровый, неуклюжий стих!» — Чернышевский писал Некрасову: «Я с этим не согласен. Свобода поэзии не в том, чтобы писать именно пустяки, <...> а в том, чтобы не стеснять

своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа». А потому Чернышевский утверждал, что талант Некрасова вполне «свободен». Поэт согласился с этим замечанием и 31 марта 1857 года писал Л. Н. Толстому: «Мысль, побуждение, свободно возникавшее, неотвязно преследуя, наконец заставляло меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие».

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ (с. 28)

Впервые опубликовано в издании: Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1856.

Современники воспринимали это стихотворение как политическое обличение: под старым барином подразумевали Николая I, под новым — Александра II, под «забытой деревней» — крепостную Русь. Однако смысл стихотворения гораздо шире. Показывается наивность крестьянской веры в доброго царя и доброго барина. Поэт убеждает читателя, что освобождение России от крепостного права зависит от активности самого крестьянства.

С. 28. Бурмистр — при крепостном праве деревенский староста, назначенный помещиком для управления крестьянами в отдаленных деревнях.

Вольный хлебопашец — крестьянин, отпущенный помещиком на волю за выкуп или живущий на земле, принадлежащей государству. Такой крестьянин не являлся частной собственностью помещика и поэтому назывался «вольным».

Главный управитель — замещал помещика в главном имении, ему подчинялись бурмистры — управляющие крестьянами в отдаленных от главного имения деревнях.

С. 29. «...Урожай сторицей — буквально: в сто раз больше посеянного.

Цуг — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно; цугом ездили только богатые и знатные господа.

Дроги — длинная телега без кузова.

САША (с. 29)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1856, № 1.

В поэме дается критическая оценка дворянского героя («лишнего человека») с типичным для него противоречием между словом и делом. В образе Саши Некрасов изображает человека нового времени, близкого к народу. Известная революционерка-семидесятиница В. Н. Фигнер вспоминала: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни». — Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. М., 1964, т. I, с. 92.

Поэма создавалась в период дружеского общения Некрасова с Тургеневым. Поэтому образ Агарина во многом близок тургеньевскому Рудину. «Саша» появилась вместе с «Рудиным» в одном номере «Современника».

Революционно-демократическая критика (Добролюбов и Чернышевский) ценила поэму главным образом за критический подход к Агарину, в котором угадывались черты современных либералов, героев громкого слова и робкого дела.

Либералы отстаивали интересы дворян и боялись крутых общественных перемен, крестьянской революции. Они добивались, чтобы в ходе освобождения крестьян от крепостной зависимости дворяне удержали в своих руках большую часть земли. На страницах печати они прославляли реформу «сверху» и восхваляли царя и помещиков, добровольно отпуская крестьян на волю.

Либеральная критика обращала преимущественное внимание на поэтические картины природы, на жизнеутверждающий пафос произведения. Ап. Григорьев писал: «Тут всё пахнет и черноземом и скошенным сеном; тут всё живет — от березы до муравья или зайца и самый склад речи веет народным духом». — «Время», 1862, № 7, с. 41—42.

С. 29. «Что же молчит мой озлобленный ум?..» — отзвук пушкинской характеристики Евгения Онегина с его «озлобленным умом, кипящим в действии пустом». Речь идет здесь о бесплодном сомнении, которому отдал дань лирический герой поэмы и который был свойствен всем «лишним людям». Именно это качество либерального дворянства поэта будет обличать далее и в характеристике Агарина.

«...Спящих в могилах виновных теней...» — намек на Николая I, приведшего страну к катастрофе в Крымской войне и скончавшегося 18 февраля 1855 года.

С. 30. «Мать не враждебна и к блудному сыну...» — путь лирического героя на родину осмысливается здесь, как приобщение «вечного странника», дворянского интеллигента, к России народной. Лирический герой в этой поэме близок к автору, но не сливается с ним. В его облике есть черты, свойственные целому поколению русских культурных дворян.

«Весело въехал я в дом тот урюмый, Что, осеня сокрушительной думой, Некогда стих мне суровый внушил...» — речь идет о поместье Некрасовых Грешнево и о стихотворении «Родина», в котором давалась резко сатирическая картина крепостнического своеволия в доме отца.

С. 33. «...Пар из отворенной риги валит...» — Рига — специальная постройка для сушки снопов и обмолота просушенного зерна.

«...высоко молотила взлетают...» — молотило — часть цепа в виде короткой палки, которой бьют по снопу при молотьбе.

С. 38. «...Много видал я больших городов, Синих морей и подводных мостов...» — Подводными мостами назывались в XIX веке пять лондонских туннелей через реку Темзу, среди которых Темзский туннель, построенный в 1843 году, считался одним из чудес света.

С. 41. «...Или какой чернокнижник-губитель?..» — чернокнижник — здесь: колдун.

«ВНИМАЯ УЖАСАМ ВОЙНЫ...»

Впервые опубликовано в «Современнике», 1856, № 2.

Стихотворение посвящено событиям Крымской войны. Возможно, что замысел его возник под влиянием рассказа Л. Н. Толстого «Севастополь» в августе 1855 года, с которым Некрасов познакомился в конце декабря. Этот рассказ глубоко взволновал поэта. В «Заметках о журналах» («Современник», 1856, № 2) Некрасов писал: «Володе Козельцову (одному из главных героев толстовского рассказа. — Ю. Л.) суждено долго жить в русской литературе, может быть

столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севастопольской осады. И сколько слез будет пролито и уже льется над бедным Володею! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! вот как пали ваши милые дети...»

ШКОЛЬНИК (с. 45)

Впервые опубликовано в «Библиотеке для чтения», 1856, № 10.

Написано летом 1856 года на даче под Ораниенбаумом, в местах, связанных с деятельностью «архангельского мужика» М. В. Ломоносова. Цензор Е. Е. Волков доносил министру народного просвещения: «Здесь автор хочет доказать, что великие и гениальные люди преимущественно могут выходить только из простого народа».

ИЗ ПОЭМЫ «НЕСЧАСТНЫЕ» (с. 46)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1858, № 2.

Одним из главных героев этой поэмы является ссыльный интеллигент, народный заступник, живущий на каторге вместе с уголовными преступниками. Именно так поступил Николай I с членами социалистического кружка, возглавляемого известным пропагандистом социалистических идей М. В. Петрашевским, он рассредоточил их по разным острогам и поселил вместе с уголовниками. Когда Достоевский вернулся с каторги, Некрасов, вручая ему поэму «Несчастные», сказал: «Я тут об вас думал, когда писал это». Но в то же время в характере ссыльного нашли отражение и черты личности Белинского. Публикуемый в нашем издании отрывок из поэмы является монологом этого героя, обращенным к каторжной массе, нравственно воскресающей под его влиянием.

С. 46. *Фельдгегер* — военный или правительственный курьер, перевозящий срочно секретные документы.

«...обратные лошадки...» — проезд по России в те годы осуществлялся на лошадях от станции до станции, где впрягались новые, «свежие» лошади, а ямщик, совершивший перегон, возвращался обратно.

С. 47. «Да старый вяз в конце селенья...» — старые деревья в деревне пользовались особым почетом и даже поклонением со стороны крестьян. Тут сказывались отголоски языческих времен, когда славяне одухотворяли стоящие на границах родового владения деревья, считали, что они оберегают людей от злых духов.

«То беглый рекрутик сторонкой...» — 25-летняя солдатская служба, сопровождаемая издевательствами и телесными наказаниями, часто оказывалась невыносимой для человека. Поэтому в старой России было много беглых рекрутов, к которым народ относился с сочувствием.

ТИШИНА (с. 48)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1857, № 9.

Поэма создавалась летом 1857 года после возвращения Некрасова из-за границы. Речь в ней идет о событиях Крымской войны и героической обороне

Севастополя. В июле 1855 года Некрасов писал Тургеневу: «Хочется ехать в Севастополь». А в одной из рецензий тех лет заявлял: «Мы решительно утверждаем, что только одна книга в целом мире соответствует величию настоящих событий — и книга эта «Илиада». — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, с. 264.

С. 49. «Французов с красными ногами...» — имеется в виду обмундирование французов, особенностью которого были красные шаровары.

С. 50. «Молчит и он ...» — имеется в виду Севастополь.

«...ни ревизских душ...» — ревизские души — мужское население, облагавшееся подушной податью и включавшееся в особые учетные списки — «ревизские (ревизские) сказки».

«В СТОЛИЦАХ ШУМ, ГРЕМЯТ ВИТИИ...»

(с. 51)

Впервые опубликовано в издании: Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1861, с датой: «1858».

Стихотворение создавалось в эпоху бурного обсуждения предстоящих «великих реформ». Поэт с тревогой ощущал, что начавшийся в России общественный подъем не захватывает глубинную, крестьянскую Россию. На «шум столиц» она отвечает «вековой тишиной».

«...гремят витии...» — слово *витии* — ораторы, мастера красноречия устного или письменного — употребляется здесь с ироническим оттенком.

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ (с. 52)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1859, № 9.

Песня создана в период общественного подъема 1860-х годов, когда революционеры-демократы разуверились в реформах «сверху» и стали призывать к освобождению крестьян от крепостного права «снизу» — путем революционного восстания против угнетателей. В одном из писем к другу Добролюбов призывал: «Милейший! Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить «Песню Еремушке» Некрасова... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости». — Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т., т. IX, с. 385.

Стихи действительно дидактичны, поучительны, они имеют отчетливый политический смысл, приближаясь к лозунгу-призыву, обращенному к молодежи. По свидетельству современников, «Песня Еремушке» сочинялась на квартире русского критика, революционера-демократа Добролюбова, в непосредственном общении с ним. Одна из единомышленниц Некрасова вспоминала: «Когда старшие заставляли нас подчиняться стариной освященным обычаям, которые приходились нам не по вкусу, мы отвечали словами из «Песни Еремушке»: «Будь он проклят, растлевающий пошлый опыт — ум глупцов!» — и говорили сами себе: «Силу новую благородных юных дней в форму старую, готовую необдуманно не лей!» — Литвинова Е. Воспоминания о Н. А. Некрасове. — «Научное обозрение», 1903, № 4.

Песня положена на музыку М. П. Мусоргским в 1871 году.

ЗНАХАРКА (с. 54)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1860, № 11.

В образе мужика Пантелея угадан Некрасовым новый тип крестьянина, критически оценивающего народные суеверия. Он понял, что предсказания знахарки сбываются неспроста: судьбу крестьянина при крепостном праве легко угадать, в любых вариантах она не сулила народу ничего хорошего.

С. 54. *Околото́к* — окружающая деревню местность, окрестность.

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО (с. 55)

Впервые опубликовано в журнале «Зоря», Львов, 1886, № 6.

Датируется 27 февраля 1861 года. Написано на другой день после смерти великого украинского поэта Т. Г. Шевченко. Арестованный в 1847 году за революционные произведения, Шевченко был сослан рядовым в Оренбург с запрещением писать и рисовать. Более десяти лет он провел в неволе и был освобожден незадолго до смерти, в 1858 году. В судьбе Шевченко Некрасов усматривает типичную участь всех свободолюбивых и талантливых людей в России.

С. 56. *«Мог умереть он, конечно, под палками...»* — провинившихся солдат в николаевской России прогоняли сквозь строй, жестоко избивая палками. Подобные наказания часто завершались смертью провинившегося.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ (с. 56)

Впервые опубликовано в журнале «Время», 1861, № 10.

В начале 1861 года, как раз перед отъездом Некрасова в ярославско-костромские края, русские журналы начали оживленный спор о том, чему и как нужно учить крестьянских детей. Либеральные журналисты и писатели однобоко оценивали деревенское детство. В газете либерального журналиста М. Н. Каткова «Современная летопись „Русского вестника“» говорилось о том, что деревенские дети «целые дни проводят в буйной и вредной праздности», что «ни дети, ни взрослые не понимают надлежащим образом значения труда». Опровергая эти вздорные обвинения, Некрасов воссоздает гармоническую картину трудового деревенского детства.

С. 58. *«.. Так рядом с Гаврилой...»* — имеется в виду Гаврила Яковлевич Захаров, крестьянин деревни Шоды Костромской губернии, близкий друг Некрасова, которому он посвятил поэму «Коробейники».

Лудильщик — мастер, занимающийся ремонтом металлической — преимущественно медной — посуды: самоваров, кастрюль и т. п.

Шерстобит — мастер, взбивающий шерсть перед изготовлением валенок или ее прядением.

Чухня — дореволюционное название эстонцев и финнов, населявших окрестности Петербурга.

Черёмысы — устарелое название марийцев.

С. 61. *Вестимо* — само собой разумеется, конечно, известно.

Впервые опубликовано в «Современнике», 1861, № 9. Датировано: «16 августа. Грешнево. 1861».

После реформы 1861 года «освобожденные» крестьяне и мещане попадали в кабальную зависимость от новых «господ» — городской и сельской буржуазии.

КОРОБЕЙНИКИ (с. 63)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1861, № 10.

Поэма написана в имени Некрасова Грешнево в августе 1861 года. Сюжет об убийстве коробейников подсказал Некрасову Гаврила Яковлевич Захаров, а история жизни Катеринушки основана на рассказах жены Гаврилы, Матрены, которая, подобно Катеринушке, часто сиживала в одиночестве, поджидая сперва суженого, а потом и мужа — непоседливого странника-отходника.

«Одной этой поэмы,— писал в 1862 году Ап. Григорьев,— было бы достаточно для того, чтобы убедить каждого, насколько Некрасов поэт почвы, поэт народный».— «Время», 1862, № 7, с. 42.

С. 63. Эпиграф к первой главе — стихи из народной песни «Во саду ли в огороде». *Кумач* — хлопчатобумажная ткань алого цвета. *Китайка* — гладкая бумажная ткань желтого цвета, первоначально вывозилась из Китая.

С. 64. «*Катя бережно торгуется...*» — в свадебных народных песнях «торговаться» со стороны невесты означало: знать себе цену, сохранять девичью гордость, чувство собственного достоинства.

«*Дал ей ситцу штуку целую...*» — целый рулон фабричной ткани.

С. 65. *Покров* — осенний крестьянский праздник после уборки урожая. С *Покровá* начиналось в крестьянском быту веселое время свадеб.

Провины — холст домашнего производства.

Вожеватые — обходительные, приветливые, с чувством собственного достоинства.

Миткаль — ситец; *плис* — хлопчатобумажный бархат.

С. 66. *Ну, исполать!* — слава, хвала!

Кутейники — народное прозвище церковников.

С. 68. *Целозальник* — продавец вина в питейном заведении, содержатель кабака.

С. 69. «*Потянулись огурешники...*» — *огурешниками* называли жителей Ростовского уезда Ярославской губернии, искони занимавшихся огородным промыслом, мастеров на всю Россию по выращиванию огурцов и других огородных культур.

Косуля — соха или легкий плуг с одним лемехом.

«*И в свиное ухо складывал Полю свиточки своей...*» — народная насмешка над верующими, которым запрещается употреблять в пищу свиное мясо.

С. 70. *Кашпирята* — Кашпировы, ярославские помещики; *Зюзянята* — Зюзины, костромские помещики.

Борзители — охотники с борзыми собаками.

«*Встрелось нам лицо духовное — Хуже не было б греха...*» — по народным поверьям встреча с духовным лицом сулит несчастье.

С. 74. «*...То кожажником, то бродами*» — по болотистой местности.

СВОБОДА (с. 81)

Впервые опубликовано в издании: Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1869, ч. 4.

Это стихотворение — непосредственный отклик поэта на крестьянскую реформу 1861 года. Проведенная царем в союзе с дворянами, она дала народу так мало земли, что крестьянин вынужден был наниматься в батраки к тем же помещикам: «на место сетей крепостных Люди придумали много иных». И все-таки поэт надеется на светлое будущее русского народа.

ИЗ ПОЭМЫ «РЫЦАРЬ НА ЧАС» (с. 81)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1863, № 1—2.

Поэма создавалась в эпоху спада общественного движения 1860-х годов, когда был сослан на каторгу сотрудник «Современника», поэт М. Л. Михайлов, арестован революционер-демократ Н. Г. Чернышевский, под угрозой находилось само существование некрасовского журнала. Осенью 1862 года, в тяжелом настроении, поэт посетил родные места: побывал в Грешневе и в Абакумцево на могиле матери. Итогом этих событий и явилась поэма «Рыцарь на час» — одно из самых проникновенных произведений Некрасова, о сыновней любви к матери, сливающейся с любовью к Родине.

Настроения героя «Рыцаря на час» оказались созвучными многим поколениям русской интеллигенции, наделенной жгучей совестью, жаждущей деятельности, но не находящей ни в себе, ни вокруг себя прочной опоры для революционного подвига.

Поэму эту Некрасов очень любил и читал всегда «со слезами в голосе». Сохранилось воспоминание, что вернувшийся из ссылки Чернышевский, читая «Рыцаря на час», «не выдержал и разрыдался».

«В ПОЛНОМ РАЗГАРЕ СТРАДА ДЕРЕВЕНСКАЯ...» (с. 82)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1863, № 4.

Стихотворение положено на музыку И. И. Корниловым в 1887 году, А. И. Ермоловым в 1899 году, А. В. Михайловым в 1966 году.

ЗЕЛЕНый ШУМ (с. 83)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1863, № 3.

Образ «зеленого шума» заимствован Некрасовым из народной игровой песни украинских девушек, опубликованной в 1856 году в журнале «Русская беседа» и сопровождающей таким комментарием профессора М. А. Максимовича: «В этом зеленом шуме девчат отзывался Днепр, убирающийся в зелень своих лугов и островов, шумящий в весеннем разливе своем... В одно весеннее утро я видел здесь, что и воды Днепра, и его песчаная Белая коса за Шумиловою, и самый воздух над ним — всё было зелено... В то утро дул порывистый горишний, т. е. верховой ветер; набегая на прибрежные ольховые кусты, бывшие тогда в цвету, он поднимал с них целые облака зеленоватой цветочной пыли и развевал ее по всему полуденному небосклону».

КУМУШКИ (с. 85)

Впервые опубликовано в «Солдатской беседе», 1863, № 1.

Замысел стихотворения возник параллельно с работой над поэмой «Мороз, Красный нос». Сердоболие и жалость — положительные качества русского национального характера. Но в этом стихотворении Некрасов показывает, что при нарушении меры они становятся невыносимыми. Своим назойливым сочувствием «кумушки» усиливают переживания ребятишек, связанные со смертью матушки.

С. 85. *Кубарь* — детская игрушка, наподобие волчка.

«НАДРЫВАЕТСЯ СЕРДЦЕ ОТ МУКИ...» (с. 86)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1863, № 9.

В стихотворении говорится о переживаниях поэта, связанных с правительственной расправой над передовыми деятелями освободительного движения. Как и в «Зеленом Шуме», природа в этом стихотворении очищает душу лирического героя, вселяет веру в жизнь и торжество добра.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ (с. 87)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1865, № 10.

Сестра поэта сообщала: «Орина, мать солдатская, сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшивить». — Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич. — Литературное наследство. М., 1949, т. 49—50, с. 178.

В период работы Некрасова над стихотворением в Петербурге обсуждался проект военной реформы, говорили о необходимости отмены многолетней солдатчины с ее палочной дисциплиной и жестокими наказаниями.

ПОЖАРИЩЕ (с. 90)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1863, № 9—10.

В стихотворении разворачивается драматическая картина пореформенного разорения русской деревни.

С. 90. *Лошадка заводская* — породистая лошадь, выращенная на племенном заводе.

«С полостью санки...» — т. е. с покрывалом для ног седока.

С. 91. *Блюхер Г. Л.* — прусский фельдмаршал, участник сражения при Ватерлоо в 1815 году. Его лубочный портрет часто украшал крестьянские избы.

Забалканский — русский генерал-фельдмаршал И. И. Дибич, получивший за переход через Балканы во время русско-турецкой войны 1829 года имя Забалканского.

ВОЗВРАЩЕНИЕ (с. 91)

Впервые опубликовано в «Современнике», 1865, № 9.

Написано после возвращения Некрасова из-за границы, где он был с мая по

август 1864 года, и навеяно впечатлениями от осеннего приезда в Ярославские края.

С. 92. «...И проклял я то сердце...» — современники воспринимали заключительное двустушие как выражение тоски поэта по революционному подвигу.

ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ (с. 92)

Впервые опубликовано в издании: Стихотворения Н. Некрасова, СПб., 1869, ч. 4. Написано в 1864 году.

Поэтизация крестьянского упорства и трудолюбия сопровождается здесь изображением драматического положения народа после реформы 1861 года. Тщетны попытки Ермолая трудящегося добиться обеспеченного существования.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ «МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА» (с. 92)

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1868, № 9.

Публикуемый отрывок — наиболее глубокое выражение неизменного и почти молитвенного преклонения Некрасова перед светлой памятью В. Г. Белинского.

С. 92. «О равенстве, о братстве, о свободе...» — «Свобода, равенство и братство!» — лозунг Великой Французской революции.

ПЕСНЯ О ТРУДЕ (с. 93)

Впервые опубликовано в издании: Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1869, ч. 4.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

Цикл должен был войти в задуманную Некрасовым книгу для детского чтения. Замысел этой книги осуществить не удалось.

I. ДЯДЮШКА ЯКОВ (с. 94)

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1868, № 2.

С народными торговцами (офёнами, торговавшими с воза, и коробейниками, носившими короб) поэт познакомился еще в 1861 году во время поездки во Мстеру Вязниковского уезда Владимирской губернии. Мстера была центром изготовления лубочных картинок и книжек для народного чтения.

С. 94. *Карáкова* — темно-гнедой масти, от тюркского «кара» — черный.

С. 95. *Сбóина макова* — сладкий жмых из семян мака.

II. ПЧЕЛЫ (с. 97)

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1868, № 2.

III. ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН (с. 98)

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1868, № 2.

С. 100. «...с железом губа...» — ручным медведям продевали через губу железное кольцо для цепи, на которой их водили по деревьям.

IV. ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

(с. 101)

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1871, № 1.

Мазай — охотник, с которым Некрасов встречался и беседовал, охотясь в Костромской губернии в местах, ныне затопленных водами Костромского водохранилища. В Костроме, во дворе Ипатьевского монастыря, находится церковь Преображенья из села Спас-Вежи. Она стоит на высоких дубовых сваях, которые предохраняли помещение от затопления во время весеннего половодья. А в Костромском музее деревянного зодчества сохранились баньки и амбары на столбах из края дедушки Мазая.

С. 101. «...вода поднимает...» — заливал в половодье. Отсюда произошло название «поемные» или «пойменные» луга.

С. 102. *Пуделять* — делать промахи при стрельбе.

С. 103. *Затравка* — отверстие в задней части ствола старых ружей.

V. СОЛОВЬИ (с. 105)

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1870, № 10.

Конец стихотворения о рекрутчине и податях вызвал нареkanie цензора Н. Е. Лебедева: «Здесь не отрицается обязательность податей и военной службы, но желательно было бы избежать сопоставления их с силками и сетями». — «Голос минувшего», 1918, № 4—6, с. 86—87.

VI. НАКАНУНЕ СВЕТОГО ПРАЗДНИКА

(с. 107)

Впервые опубликовано в издании: Нашим детям. Иллюстрированный литературно-научный сборник. СПб., 1873.

С. 107. *Светлым* назывался весенний праздник, связанный с возрождением природы. В дни «светлого праздника» рабочие люди отдыхали, «отходники» мужики возвращались домой.

«Я ехал к Ростову Высоким холмом» — Ростов Великий, ныне Ярославской области, расположен на берегу озера Неро, издревле славится красивейшими памятниками русской архитектуры. Имение Некрасова Карабиха находилось между Ростовом и Ярославлем.

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1868, № 11.

В стихотворении отразились настроения поэта после возвращения в Карабику из поездки во Францию и Италию в марте — июне 1867 года.

ПРИТЧА (с. 110)

Впервые опубликовано за границей («Общее дело», 1881, № 4), с датой: «20 июля 1870 г.»

По мнению исследователя творчества Н. А. Некрасова Б. В. Мельгунова, толчком к созданию «Притчи» могло послужить типичное для предреформенной эпохи событие, случившееся в Петербурге 1 января 1859 года. «В этот день группа крестьян из 15 человек, ожидая к Новому, 1859 году объявления «воли»... пришла к Зимнему дворцу. В ожидании объявления воли крестьяне, указывая друг другу на блестящие экипажи съехавшихся во дворец царских сановников, говорили: «Вот сколько наших притеснителей собралось, где скоро царю с ними сладить и уговорить дать свободу добровольно». Позднее собравшиеся на Сенной площади крестьяне, жалуясь на притеснения своих помещиков, говорили: «Государь давно бы освободил, да они, проклятые, всё мешают, а чего боится, сказал бы только нам, мы бы помогли». — Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960, с. 147.

Представления о добром царе-избавителе были очень живучи в среде русского народа. В начале 1860-х годов в добрые намерения Александра II верил и сам Некрасов — поэт крестьянской демократии. Но в «Притче» показано другое: при самых благих намерениях царь не может провести реформу в интересах народа, не уничтожая самодержавия. «Притча» потому и написана в форме фольклорного сказа, что поэт хочет активно воздействовать на сознание народа. Однако в дореволюционное время, ни при жизни поэта, ни после его смерти, «Притча» не могла быть напечатана в России по цензурным причинам.

Смысл «Притчи» достаточно ясен. За условными образами царя и его приближенных скрывается Александр II и русские либералы, стремившиеся в ходе реформ сохранить дворянские привилегии. В лице «способных рабочих людей» угадывается русская революционная демократия во главе с ее вождем — «гражданином именитым», Н. Г. Чернышевским. Храм, в котором святыни хранились, — Россия с ее экономическим и государственным устройством.

С. 111. «Они вдохновенному плану царя Готовились жертвовать кровью!..» — в самом начале царствования Александра II не только А. И. Герцен, но и Н. А. Некрасов и даже Н. Г. Чернышевский допускали возможность полного освобождения крестьян путем реформ «сверху». Правда, Чернышевский ранее своих единомышленников разочаровался в этих надеждах, трезво оценил общественную ситуацию, ожидая перемен «снизу» — крестьянской революции.

С. 112. «И вышел указ...» — в конце 1857 года были опубликованы «рескрипты» — указы начальникам губерний с предложением начать обсуждение проекта освобождения крестьян в дворянских собраниях. Крестьяне и разночинцы к обсуждению проекта не допускались.

«...скорбь вавилонскую в сердце несли...» — существует легенда о сооружении в древнем городе Вавилоне башни до неба, предпринятом людьми разных стран и народов, чтобы добраться до бога. Разгневанный их дерзостью, бог разогнал строителей и «смешал» их языки так, что люди перестали понимать друг друга. Отсюда и пошла выражения «вавилонская скорбь», «вавилонская башня», «вавилонское столпотворение».

Пилигримы — странники, искатели счастья. Сравните с мужиками-правдоискателями из «Размышлений у парадного подъезда».

С. 113. *«Иные бродили по царству с сумой И смуты в умах поселяли...»* — имеется в виду начавшаяся после реформы 1861 года революционная агитация — «хождение в народ» революционно-демократической интеллигенции, организация тайных обществ.

«Иные скитались по чуждым странам...» — многие революционеры в пореформенное время эмигрировали — уехали на Запад и там занимались изданием революционных произведений, созданием революционной организации.

Рутин — рабское следование заведенному порядку, боязнь перемен.

«Указ роковой написали...» — указ, запрещающий публичное обсуждение в печати «крестьянского вопроса».*

ДЕДУШКА (с. 115)

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1870, № 9.

Некрасов напоминает в «Дедушке» о революционном подвиге первого поколения русских борцов за свободу — декабристов. В поэме воссоздавались основные события из жизни декабриста С. Г. Волконского. Среди многочисленных источников, которые использовал Некрасов в процессе работы над поэмой, первое место принадлежит книге С. В. Максимова «Сибирь и каторга», опубликованной в некрасовских «Отечественных записках».

С. 118. *«Горсточку русских сослали...»* — в 1733 году Анна Иоанновна, а в 1767 году Екатерина II сослали на сибирскую речку Тарбагатай непокорных крестьян, разрешив им поселиться деревней. Ныне Тарбагатай — село Улан-Удинского района Бурятской АССР. Описывая Тарбагатай как дружную общину вольных хлебопашцев, Некрасов брал материалы из книги С. В. Максимова.

«Волю да землю им дали...» — намек на основной лозунг тайного революционного общества 1860-х годов «Земля и воля», с которым были близки Чернышевский и Герцен.

С. 123. *«Пел он о славном походе И о великой борьбе...»* — об Отечественной войне 1812 года и о восстании декабристов 1825 года.

С. 124. *О Трубецкой и Волконской...* — о женах декабристов, первыми последовавших за своими мужьями в Сибирь.

ИЗ ПОЭМЫ «КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ» (с. 126)

Текст поэмы опубликован впервые в «Отечественных записках», 1872, № 4. В нашем издании печатается вторая часть поэмы. Стремясь быть верным жизненной правде, Некрасов использовал в этой главе документальный материал о «поединке»

княгини Трубецкой с иркутским губернатором Б. И. Цейдлером, который приводился в книге С. В. Максимова «Сибирь и каторга», в воспоминаниях декабриста А. Е. Розена. Некоторые сведения о Трубецкой мог сообщить Некрасову ее сын, с которым поэт был знаком.

С. 126. *Бригадир...* — в России XVIII — начала XIX века офицерский чин, промежуточный между полковником и генерал-майором.

С. 129. *«Там люди редки без клейма...»* — у преступников, осужденных на каторжные работы, выжигались на теле неизгладимые знаки, свидетельствовавшие о совершенном ими преступлении или понесенном наказании. Клеймение преступников было отменено на Руси манифестом 17 апреля 1863 года.

Варнаки — разбойники из среды беглых или отбывших срок каторжников.

С. 132. *«Где были дубы до небес...»* — имеются в виду декабристы, казненные или сосланные в Сибирь Николаем I.

ИЗ ПОЭМЫ «КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ» (с. 137)

Поэма опубликована впервые в «Отечественных записках», 1873, № 1. Написана в Карабихе летом 1872 года. В нашем издании печатаются две заключающие поэму главы (V и VI), посвященные путешествию М. Н. Волконской в Сибирь и встрече ее с мужем в руднике.

Основным источником этой поэмы явились «Записки» княгини М. Н. Волконской, дочери генерала Н. Н. Раевского, прославленного героя Отечественной войны 1812 года, жены декабриста С. Г. Волконского. Некрасов познакомил с «Записками» сын княгини, М. С. Волконский, который писал в своих воспоминаниях: «Некрасов по-французски не знал, и я должен был читать, переводя по русски, причем он делал заметки карандашом в принесенной им тетради. В три вечера чтение было закончено. Вспоминаю, как при этом Николай Алексеевич по несколько раз в вечер вскакивал и со словами: «Довольно, не могу» — бежал к камину, садился к нему и, схватываясь руками за голову, плакал, как ребенок. Тут я видел, насколько наш поэт жил нервами и какое место они должны были занимать в его творчестве». — Записки княгини М. Н. Волконской с предисловием... князя М. С. Волконского. СПб., 1904, с. XVII.

С. 137. *Казенная фура* — полицейская карета, в которой перевозились заключенные.

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ГОРЕ СТАРОГО НАУМА» (с. 149)

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1876, № 3. Здесь печатается отрывок, в котором звучит вера поэта во всепобеждающую силу народных надежд и чаяний. Некрасов убежден, что не вечно любимая им Волга будет «рекою рабства и тоски».

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

ИЗ ГЛАВЫ «ПОСЛЕДЫШ» (с. 150)

Впервые опубликовано в «Отечественных записках», 1873, № 2.

В нашем издании приводится начало этой главы, где Некрасов поэтизирует крестьянский труд, ту «власть земли», которая заставляет мужиков-правдоискателей власть отдаться косьбе поемного луга вместе с незнакомыми им, но родными по духу крестьянами.

С. 150. Петровки — в Петров день, 29 июня старого стиля, праздновались проводы весны. С этого дня наступало «красное лето» и начинался сенокос. «На Петров день солнышко играет», «С Петрова дня красное лето, зеленый покос», — говорили в народе.

«...*Старо-Вахлацкой волости...*» — слово «вахлак» имело значение — неуклюжий, неотесанный. «Вахлаками» Некрасов называет в поэме темных, наивных крестьян, верящих в добрые обещания господ.

«...*Стоят „князь Волконские“ ... Родятся, чем отцы...*» — Некрасов использует здесь две народные загадки: о снопах или копнах сена — «Наперед отца и матери детки родятся», и о стоге — «Текушки текут, бегушки бегут, хотят Волинского князя сломать». Некрасов заменил «Волинского» на «Волконского» потому, что в Костромской губернии, где он, вероятно, подслушал эту загадку, находились земельные угодья князей Волконских.

ИЗ ГЛАВЫ «ПИР — НА ВЕСЬ МИР» (с. 152)

Впервые опубликована в нелегальном издании «Пир на весь мир». Соч. Н. Некрасова. СПб., 1879.

«ДОЛЯ НАРОДА...» (с. 152)

Эту песню поют в поэме Некрасова русские интеллигенты, «народные заступники» Савва и Гриша Добросклоновы.

БУРЛАК (с. 154)

Это стихотворение Некрасов вкладывает в уста «народного заступника» Григория Добросклонова. Образ бурлака был в поэзии Некрасова устойчивым символом тяжелого, подневольного труда русского народа. Вспомним, например, стихотворение «На Волге». Но примечательно, что в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в облике некрасовского бурлака появляются новые штрихи. Это не только измученный, несчастный человек, но и богатырь, сильный телом и духом, преодолевающий каторжный труд. В его описании появляются не свойственные Некрасову ранее оптимистические, жизнеутверждающие ноты.

Песня Гриши Добросклонова была очень популярна в кругу русской революционной интеллигенции. Ее неоднократно цитировал в своих трудах В. И. Ленин. «Русь» — оптимистический ответ на постоянно волновавший Некрасова вопрос о русском народе: «Ты проснешься ль, исполненный сил?..» Некрасов убежден, что века крепостничества не убили в народе живую душу: за видимой тишиной народной Руси чувствуется скрытая духовная работа — залог грядущего освобождения.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5	Из поэмы «Рыцарь на час»	
В дороге.	7	«В полном разгаре стра- да деревенская...»	82
Современная ода.	9	Зеленый Шум.	83
Нравственный человек.	10	Кумушки.	85
На улице	11	«Надрывается сердце от муки...»	86
Вор.	—	Орина, мать солдатская. ..	87
Проводы.	—	Пожарище.	90
Застенчивость.	—	Возвращение.	91
Отрывки из путевых запи- сок графа Гаранского.	13	Притча о Ермолае трудя- щемся.	92
В деревне.	15	Из лирической комедии «Медвежья охота».	—
14 июня 1854 года.	17	Песня о труде.	93
В. Г. Белинский.	18	Стихотворения, посвящен- ные русским детям	94
Несжатая полоса.	22	I. Дядюшка Яков.	—
Маша.	23	II. Пчелы.	97
Гадающей невесте.	24	III. Генерал Топтыгин. ...	98
Секрет.	25	IV. Дедушка Мазай и зайцы.	101
«Праздник жизни — моло- дости годы...»	27	V. Соловьи.	105
Забывтая деревня.	28	VI. Накануне светлого праздника.	107
Саша.	29	Дома — лучше!	110
«Внимая ужасам вой- ны...»	45	Притча.	—
Школьник.	—	Дедушка.	115
Из поэмы «Несчастные». ..	46	Из поэмы «Княгиня Тру- бецкая».	126
Тишина.	48	Из поэмы «Княгиня М. Н. Волконская».	137
«В столицах шум...»	51	Из стихотворения «Горе старого Наума».	149
Песня Еремушке.	52		
Знахарка.	54		
На смерть Шевченко.	55		
Крестьянские дети.	56		
Дума.	62		
Коробейники.	63		
Свобода.	81		

«Кому на Руси жить хо-
рошо» 150

Из главы «Поседыш». ... —

Из главы «Пир на весь
мир» 152

«Доля народа» —

Средь мира дольного —

В минуты унынья, о ро-
дина-мать!.. 153

Бурлак. 154

Русь. —

Пути-дороги народного поэ-
та. *Ю. В. Лебедев* 156

Приложение 176

Комментарии. *Ю. В. Лебе-
дев* 184

